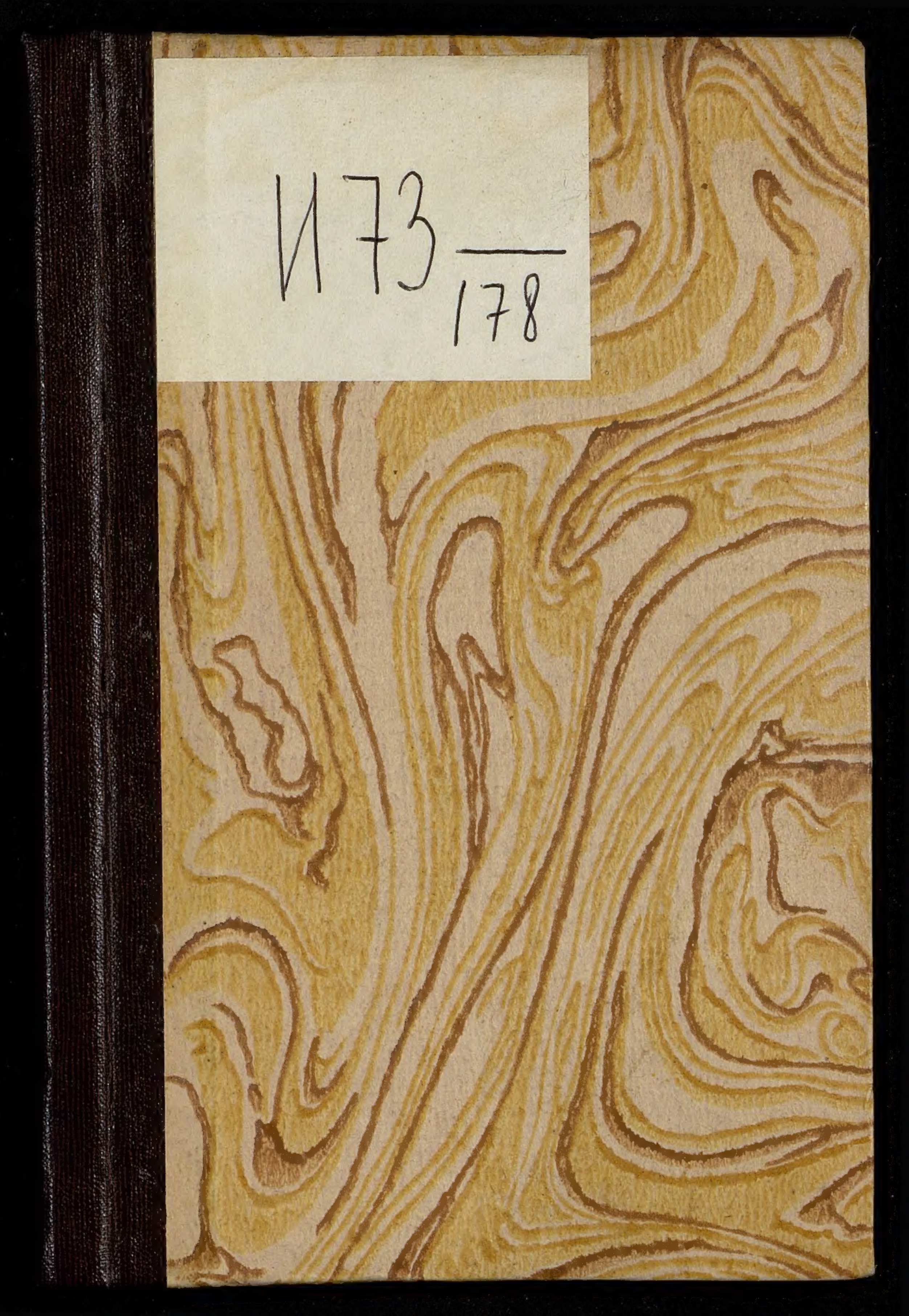
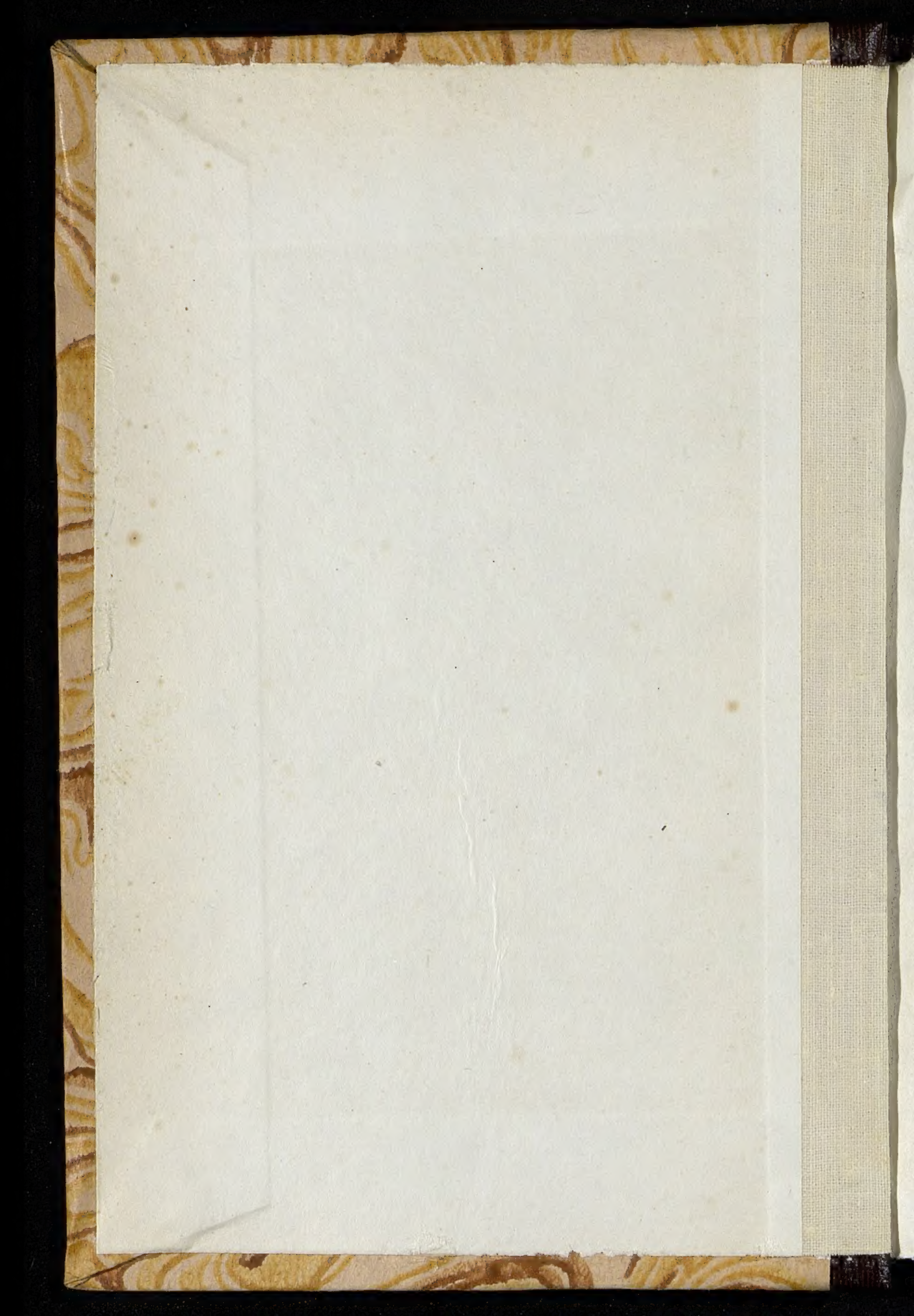
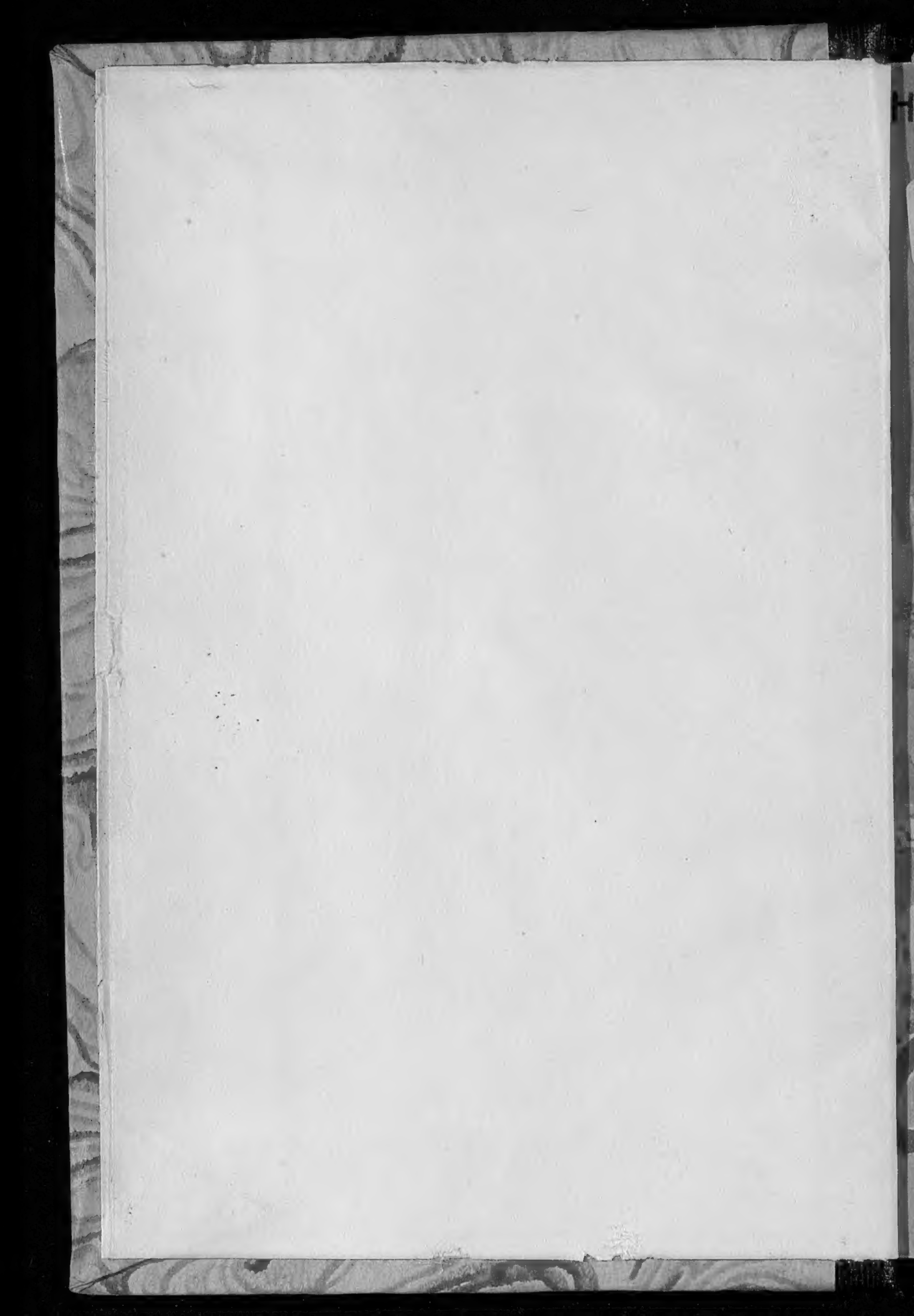

Н. КОЗЛОВ
И73 178
Освобождение
Крыма

Подполковник Н. КОЗЛОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ КРЫМА

К 5-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРЫМА
ОТ НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ

★

КРЫМИЗДАТ
Симферополь · 1949

ВВЕДЕНИЕ

22 июня 1941 года, когда немецко-фашистские войска без объявления войны напали на нашу страну, одним из первых объектов их нападения оказался Крым. Севастополь был в числе тех городов, которые в первые же часы Великой Отечественной войны подверглись нападению вражеской авиации. В сентябре 1941 года немецкое командование бросило для захвата Крыма крупную группировку своих войск. Гитлер приказал взять Севастополь к 1 ноября.

Гитлеровцы спешили захватить Крымский полуостров не только потому, что их привлекали сюда местные природные богатства. Крым рассматривался ими, прежде всего, как плацдарм для прыжка на Северный Кавказ и в Закавказье, к нефтяным районам Грозного и Баку. Дорога через Крым была для них кратчайшим путем на Ближний Восток. Немецко-фашистские захватчики учитывали также важное стратегическое значение Крыма для нашей Родины. Крым — это могучий бастион на южных морских рубежах Советского Союза, ключевая позиция на черноморских путях, а Севастополь — главная база Черноморского флота и первоклассная военно-морская крепость.

Как и во всех других военных планах гитлеровской ставки, в плане операции немецко-фашистских войск в Крыму ярко выявилась дефективность немецкой стратегии. Немецким генералам казалось, что им удастся одним молниеносным ударом овладеть Крымским плацдармом, с хода ворваться в Севастополь. Они переоценили свои силы и недооценили наши силы и возможности. Они не учли того, что могут сделать советские люди, советские воины, воспитанные партией Ленина — Сталина, социалистическим строем, воодушевленные великой идеей защиты своего отечества, претворяющие в жизнь сталинскую стратегию, руководимые смелыми и опытными командирами.

Пользуясь количественным превосходством в живой силе и технике, противник сумел осенью 1941 года оттеснить наши части от Перекопского перешейка в глубь полуострова. В руках наших войск остался лишь Севастопольский оборонительный район. Это было все, чего удалось добиться врагу на первом этапе битвы за Крым. Все дальнейшие замыслы «завоевателей» Крыма оказались разбитыми, а их далеко идущие цели — нереальными. Гитлеровский план молниеносной Крымской кампании был повергнут в прах сталинским планом длительной и активной обороны Севастополя.

Выполняя указания товарища Сталина, воины Приморской армии, моряки Черноморского флота и трудящиеся Севастополя в течение 250 дней стояли неприступным утесом на пути фашистских войск. Под Севастополем была обескровлена 11 немецкая армия генерала фон-Манштейна. Героическая оборона Севастополя вынудила немецкое командование изменить свои планы и обеспечила советскому командованию необходимое время для подготовки контрударов. Выполнив свою историческую задачу и продемонстрировав всему миру пример героизма, защитники Севастополя оставили город по приказу Верховного Главнокомандования.

Крушение планов гитлеровского командования, связанных с захватом Крыма, началось с первых месяцев Крымской битвы. Севастополь заставил гитлеровцев отказаться от высадки десанта на кавказское побережье. А в декабре 1941 года на врага внезапно обрушился новый удар: группа войск Кавказского фронта во взаимодействии с военно-морскими силами Черноморского флота высадила десанты на Керченский полуостров и в Феодосию. Керченско-Феодосийская десантная операция, осуществленная нашими войсками и флотом в крайне неблагоприятной военной обстановке, в условиях осенне-зимних штормов, окончательно ликвидировала угрозу наступательных действий немецко-фашистских войск с Керченского полуострова в сторону Кавказа, вынудила противника оттянуть значительные силы с севастопольского и таганрогского направлений, надолго сковала их и тем самым облегчила положение героических защитников Севастополя. Десантные действия наших военно-морских сил развеяли фашистскую легенду о слабости Черноморского флота и похоронили расчеты врага на завоевание господства на Черном море. Герои Керченско-Феодосийского десанта, сражавшиеся в исключительно трудных и сложных условиях, положили начало борьбе за освобождение Крыма.

Гитлеровцы не стали хозяевами положения в Крыму и после того, как в их руках оказалась вся территория полуострова. С ними была кучка изменников-татар, против них—десятки тысяч советских патриотов, не пожелавших покориться врагу. В тылу оккупантов активно действовали крымские партизаны и герои крымского подполья. С фронта, со стороны моря, оккупанты ждали новой высадки советских десантов. Немцы в Крыму не могли быть спокойными ни днем, ни ночью. Вместо использования полуострова в качестве плацдарма для развертывания наступательных действий, они были вынуждены перейти здесь к обороне.

После битвы под Сталинградом и битвы под Курском, когда произошел коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны и Советская Армия повела победоносное наступление по всему фронту, были созданы предпосылки для освобождения Крыма. Третий сталинский удар советских войск, нанесенный в апреле-мае 1944 года в районе Крыма, был подготовлен рядом последовательных операций. Осенью 1943 года войска Южного (впоследствии 4 Украинского) фронта разгромили 6 немецкую армию в Донбассе и в Северной Таврии, прорвали Перекопский вал, форсировали Сиваш и захватили плацдармы на Перекопском перешейке и южном берегу Сиваша. Тогда же, осенью 1943 года, войска Северо-Кавказского фронта (впоследствии Отдельной Приморской армии) ликвидировали Кубанский плацдарм немцев, обеспечивавший им оборону Крыма с востока, форсировали Керченский пролив и захватили плацдарм в северо-восточной части Керченского полуострова. Заняв северные и восточные подступы к Крыму, советские войска блокировали на полуострове крупную немецкую группировку, удержали и расширили завоеванные плацдармы. Зимой 1944 года войска Украинских фронтов сокрушили южное стратегическое крыло немецких войск на правобережной Украине и в начале апреля вышли к Днестру и к Одессе. Одесская операция была первым этапом третьего сталинского удара, а его вторым и решающим этапом явилась Крымская операция.

Войска, освобождавшие Крым, выполняли сложнейшую задачу. Гитлеровцы не жалели ни сил, ни средств, чтобы до предела укрепить Крымский полуостров, который и без того представляет собой естественную крепость. Тупым и самоуверенным представителям германской военной доктрины казалось, что о крымскую твердыню разобьется любое мощное наступление. Расчеты на неприступность позиций немец-

ких войск легли в основу плана обороны Крымского плацдарма, разработанного гитлеровской ставкой. Опираясь на этот плацдарм, фашистское командование рассчитывало держать под угрозой южное крыло наших войск, наши черноморские коммуникации и использовать Крым как важный внешнеполитический узел, ключ к Балканам. Даже тогда, когда с военной точки зрения удержание Крыма стало бесцельным и застрявшие в крымском «мешке» крупные немецкие силы были крайне необходимы гитлеровскому командованию на других фронтах, немецкие войска продолжали упорно держаться за крымскую землю. Крым был не только стратегически важным плацдармом, но и одним из козырей в политической игре Гитлера. Он служил приманкой для Турции и Румынии. Удерживая Крым, Гитлер рассчитывал продолжать давление на балканские государства. Потеря Крыма означала для фашистской Германии падение ее престижа среди ее явных и тайных союзников.

Гитлеровский план обороны Крыма был разгадан товарищем Сталиным. Замыслы противника, связанные с обороной Крыма, оказались опрокинутыми с выходом наших войск к Одессе, к границам Румынии. Решительный удар советских войск в Крыму последовал как раз в тот момент, когда налицо были все условия для полной и решительной победы. Этот удар был нанесен войсками, которые в совершенстве усвоили сталинскую науку побеждать. Они принесли с собой в Крым огромный опыт боев в самых сложных условиях и славные боевые традиции. Перед ними не могли устоять и не устояли укрепления и преграды, казавшиеся немецкому командованию неприступными.

Битва за Крым, начиная от обороны Севастополя и кончая его штурмом, как бы отражает в малом масштабе героическую летопись Великой Отечественной войны. Операции и бои Крымской битвы наглядно продемонстрировали превосходство сталинской стратегии, сталинского оперативного искусства и тактики над стратегией, оперативным искусством и тактикой немцев. Воинское мастерство и величие морального духа советских воинов, проявленные в боях за Крым, вошли яркими страницами в историю всей минувшей войны.

Настоящий очерк дает предельно краткое описание истории боев за освобождение Крыма в 1943—44 годах.

ВОРОТА В КРЫМ

Летом 1943 года великая победа Советской Армии под Курском поставила немецко-фашистскую армию перед катастрофой. Могучее контрнаступление советских войск, осуществленное на Курской дуге по гениальному плану товарища Сталина, превратилось в победоносное наступление на огромном фронте.

Войска Южного фронта, переименованного в 4 Украинский фронт, последовательно взломавшие мощные оборонительные рубежи немецких войск на реках Миус и Молочной, 27 октября 1943 года своими подвижными частями вышли на широкий простор Северной Таврии и, преследуя остатки разбитых немецких дивизий, устремились к Крыму и к устью Днепра. 31 октября войска фронта подошли к Сивашу, Чонгарскому и Перекопскому перешейкам, загнали в Крым остатки заново сформированной 6 немецкой армии и блокировали Крымский полуостров с севера.

Еще раньше, 9 октября, в Крым была загнана через Керченский пролив разгромленная войсками Северо-Кавказского фронта на Тамани 17 немецкая армия.

Таким образом, в Крыму оказалась закупоренной крупная вражеская группировка, состоявшая из трех немецких, семи румынских дивизий, тридцати разных отдельных батальонов, нескольких отрядов морской пехоты, портовых команд и других частей.

Учитывая важное стратегическое и политическое значение Крыма, гитлеровская ставка решила удерживать его во что бы то ни стало. Эта задача, поставленная Гитлером в его приказе 17 армии в конце октября 1943 года, облегчалась географическими особенностями Крымского полуострова. Роль «ворот», прикрывавших доступ в Крым, ранее выполнявшаяся «Мелитопольским узлом» немецкой обороны, после разгрома немцев на реке Молочной должны были

сыграть узкие северные перешейки полуострова и межозерные дефиле[1] Сиваша.

Крымский полуостров самой природой создан как неприступная крепость. Омываемый со всех сторон водой, он соединен с материком Перекопским перешейком. Вся оборона огромной территории Крыма в 25 тысяч квадратных километров, по существу, сводилась к обороне этого узкого перешейка.

На севере Крыма, на площади в две с половиной тысячи квадратных километров, от Арабатской стрелки до Перекопа, раскинулись мутные извилистые заливы Сиваша — Гнилого моря. Мелководье Гнилого моря обманчиво. Когда начинает клубиться сивашский туман и восточный ветер, доходящий нередко до десятибалльного шторма, сгоняет в Сиваш воды Азовского моря, по Сивашу, вся глубина которого не превышает одного метра, начинают ходить волны высотою в метр. А если дуют ветры с запада, вода из Сиваша уходит в Азовское море, местами обнажая илистое дно. Но, чтобы перейти в это время Гнилое море вброд, необходимо преодолеть тысячи метров засасывающего ила, покрытого едкой водой, которая до предела насыщена солью и разъедает ноги до язв. Ямы на дне Сиваша, затянутые илом, подстерегают каждый неосторожный шаг того, кто решился перейти на противоположный берег.

На запад от Сиваша до Каркинитского залива протянулся древний Перекопский вал, пересекающий поперек весь перешеек. Подступы к этому валу десятиметровой высоты преграждает ров глубиною до 6 метров.

Северное преддверие Крыма не раз в истории войн было ареной жестоких сражений. Безжизненные топкие берега Гнилого моря и бурые пески Перекопа политы кровью воинов многих поколений. Немало полегло здесь, у ворот Крыма, буйных голов запорожских казаков, петровских и суворовских гренадеров во времена крымских походов против турок. Немало подвигов совершили русские воины, штурмовавшие эти позиции. Но никогда еще на протяжении всей многовековой истории крымских войн Перекоп и Сиваш не были свидетелями такого величественного и массового подвига, какой совершили здесь советские воины. Никогда не померкнет слава воинов-богатырей Михаила Васильевича Фрунзе, штурмовавших Перекоп и Чонгар, форсировавших Сиваш. Воплощая в жизнь идею, предложенную тогда лично Владимиром Ильичем Лениным,

[1] Узкие проходы.

М. В. Фрунзе в памятную ночь с 7 на 8 ноября 1920 года двинул свои полки вброд через Сиваш в тыл перекопским позициям белых войск черного барона Врангеля и одновременно нанес удар на Перекоп и Чонгар с фронта. Под огнем, по топкому илу, покрытому ледяной коркой, перешли солдаты непобедимой армии через Гнилое море на Литовский полуостров, и этот день стал роковым для последнего ставленника Антанты. Красных воинов-героев провел тогда через Сиваш простой русский человек и советский патриот, крестьянин деревни Строгановка Иван Иванович Оленчук.

Еще не стерлись следы былых сражений в перепаханной снарядами присивашской степи, не успели затянуться илом воронки от снарядов на дне Сиваша, зарасти бурьяном и татарником окопы на насыпи Перекопского вала, как снова засверкала здесь слава советского оружия. И через двадцать три года советские люди вновь совершили здесь то, что считали невозможным в условиях современной войны матерые немецкие военные специалисты.

В октябре 1943 года к Перекопу и Сивашу пришли войска, вооруженные сталинской военной наукой, научившиеся бить врага по всем правилам самого передового советского военного искусства, оснащенные первоклассной советской боевой техникой. На северных берегах Сиваша, на подступах к Перекопу, развернулась армия, судьба которой была тесно связана с Крымом. Ее солдаты обороняли Крым осенью 1941 года и последними уходили из Керчи в суровые ноябрьские дни первого года Отечественной войны. Они первыми вступили на Керченский полуостров 26 декабря 1941 года в составе Керченско-Феодосийского десанта. На долю солдат этой армии выпало второй раз прикрывать отход наших войск с Керченского полуострова в мае 1942 года. Она была в числе тех армий, которые охватили стальным кольцом вражескую группировку под Сталинградом и сокрушили немецкий «Миусфронт». Ударом армии была решена судьба Мелитополя и пробиты первые ворота на пути в Крым с севера. Теперь эта армия нацелила свой удар по последним крымским воротам, ее воины вновь пришли к тем местам, которые им довелось защищать в 1941 году. Сюда же пришли мастера дерзкого маневра, герои смелых рейдов в глубину обороны врага — танкисты Н-ского танкового корпуса и кавалеристы Кубанского гвардейского казачьего корпуса.

Задачу, которую предстояло выполнить этим славным дивизиям и полкам, была самой сложной и трудной из всех,

которые им приходилось выполнять раньше. Естественную крепость северных крымских ворот враг усилил сталью и бетоном, укрепил по последнему слову фортификационной техники, до предела насытил огневыми средствами.

Вдоль и поперек изрезали немцы Перекопский вал траншеями и ходами сообщения. Колючей проволокой, спиралями Бруно, проволочными сетками на низких кольях — «спотыкачами» со всякого рода минными сюрпризами густо опутали они все подступы к валу. Минные поля тянулись перед рвом, по дну рва, по насыпи вала и за валом. Всю эту систему дополняли железобетонные доты, дзоты и прикрытые бронеколпаками пулеметные площадки. 74 дзота стояли на валу. Не было места на всей этой песчано-глинистой бурой земле перед Перекопским валом, которое не находилось бы под огнем, не простреливалось насквозь артиллерией и пехотным автоматическим оружием.

Ожидая удара советских войск на Перекопско-Ишуньском направлении, немецкое командование сосредоточило там главные силы своей северной крымской группировки. Немцы создали также сильную оборону у Чонгарского моста и на всякий случай приготовились к отражению вероятного удара советских войск на третьем опасном участке — Литовском полуострове, где в свое время форсировали Сиваш войска Фрунзе. Восточнее этого полуострова немецкое командование держало лишь малочисленные заслоны из румынских частей. Немцы мало верили в возможность форсирования Сиваша и не допускали даже и мысли о том, что нашим войскам удастся перебросить через Сиваш боевую технику. Они надеялись на непроходимость Гнилого моря. Немецкое командование считало также невозможным штурм советскими войсками перекопских позиций с хода. Командующий 17 немецкой армией генерал инженерных войск Енекке в обращении к немецким и румынским солдатам хвастливо заявил: «Все попытки Красной Армии захватить Крым, который представляет собой твердыню, будут, безусловно, отбиты». Гитлеровская пропаганда кричала, что в руках немецких войск находятся ключи от стальных ворот Крыма.

Слепая вера в неприступность своей обороны и недооценка силы Советской Армии были очередным просчетом врага. Наше командование решило с хода атаковать Перекопский вал и одновременно форсировать Сиваш, чтобы захватить плацдармы на северных подступах к Крыму.

Район форсирования был намечен именно в том месте, где враг меньше всего этого ожидал, — в 12 километрах восточнее Литовского полуострова.

Первый внезапный удар по перекопским позициям немцев был нанесен танковым корпусом. 1 ноября 1943 года танки пошли в атаку на Перекопский вал. Это было так дерзко и так неожиданно для врага, что он не успел даже подготовиться к отражению танковой атаки. Немецкая артиллерия вела беспорядочный огонь, а советские танкисты под разрывами снарядов вели свои машины через ров, на крутизну земляной насыпи. Казалось, еще секунда — и стальные махины опрокинутся, оторвутся от насыпи вала, рухнут вниз. Это был предел крутизны, которую способны брать танки, предел напряжения человеческой воли. Но наши советские люди и наши лучшие в мире боевые машины выдержали это испытание. Это была победа не только танкистов, но и танкостроителей. Один за другим вползали танки на вал и, перевалив, стремительно скатывались вниз, стреляя на ходу из пушек и пулеметов, сметая все на своем пути. Продолжая расширять прорыв, танкисты завязали бои на подступах к Армянску.

Вслед за танкистами на вал ворвались гвардейцы-казаки — один из полков кавалерийского корпуса. Немцы встретили их ожесточенным огнем, но это лишь удвоило боевую ярость конников. Стремительно шли на штурм кубанцы, мстя за погибших товарищей.

Перекопский вал был прорван в самом центре в первый же день штурма. Стальной клин вошел в толщу перекопских позиций войск немецкого генерала Сикста, устремившись своим острием на Армянск. Этим клином вал был рассечен на две части. В крымских воротах образовалась первая брешь.

Подтянув резервы, противник огнем и контратаками пытался уничтожить прорвавшиеся советские войска, но советские танкисты успели закрепиться. На помощь им были двинуты стрелковые части. В десятидневных напряженных боях советские войска отстояли и удержали за собой захваченный плацдарм южнее центрального участка вала шириною в 3,5 и глубиною до 4 километров. Так был завоеван один из исходных районов будущего генерального наступления советских войск в Крыму.

Одновременно со штурмом перекопских позиций развернулась операция левофланговых частей по форсированию

Сиваша. К исходу 31 октября 1943 года на северном берегу Гнилого моря, в районе Комрат-Казеут, Коса сосредоточились части, которым предстояло первыми перейти Сиваш. Мелководье Сиваша исключало возможность использования переправочных средств. Оставался единственный способ форсирования — вброд.

Среди воинов, пришедших к Сивашу, были те, кто испытал Сиваш в 1920 году. Это были солдаты Фрунзе. Они узнавали знакомые места. В их памяти оживали картины минувших героических дней — последних дней гражданской войны. Эти ветераны были живыми носителями славных боевых традиций Советской Армии, и они делились с молодыми бойцами воспоминаниями о том, как им пришлось форсировать Сиваш в 1920 году.

«...Дело нам предстоит серьезное, — говорил своим бойцам помкомвзвода Мирончук, пожилой рыжеусый старшина. — Это вам не какую-нибудь речку форсировать. Тут и подручные средства не годятся. Очень уж злая вода в этом самом Сиваше. Походишь по этой воде — ноги разъест. И сапоги не помогут. Голая соль. И дух над Сивашом тяжелый — нечем дышать. Одним словом, Гнилое море, гиблые места. Птица, и та боится перелетать Сиваш. А нам вот пришлось не перелететь, а перейти его в двадцатом году...

Теперь потяжелее нам будет, чем тогда. Мало того, что самим нужно перейти, но и всю нашу боевую технику надо перебросить. Но мы — советские солдаты, и нет такого места на земле, чтобы мы его вдоль и поперек пройти не смогли...»

Бывалые воины-агитаторы воодушевляли бойцов на подвиг не только словом, но и делом — они первыми пошли через Сиваш. Они добровольно вызвались разведать район форсирования. Желающих нашлось немало. Для выполнения этой задачи отобрали самых достойных. Первыми перейти Сиваш, разведать броды и вражеский берег было поручено коммунистам — старшему сержанту Дмитрию Михайлову, сержанту Дмитрию Кудымову и рядовому Николаю Кормышину.

Колхозник деревни Строгановка Иван Иванович Оленчук, теперь уже глубокий старик, не поверил своим глазам, когда в октябрьскую ночь 1943 года в его хату пришел советский офицер, назвавший себя старым знакомым деда. Но это было так. Бывший солдат-посыльной штаба М. В. Фрунзе, а теперь — офицер штаба армии лейтенант Черкасов, передал

Оленчуку такую же просьбу советского командования, какую он передал ему в 1920 году. И снова, как двадцать три года назад, Иван Иванович Оленчук указал советским воинам путь через Сиваш. Быть проводниками советских войск вызвались многие жители окрестных деревень. Вместе с первыми тремя бесстрашными разведчиками пошел через Гнилое море колхозник Василий Кондратьевич Заволочный.

Иван Иванович Оленчук показывает генералу путь через Сиваш. Ноябрь 1943 г.

Утром 1 ноября, в сыром холодном тумане, разведчики двинулись вперед, нащупывая проходимые участки сивашского дна, обходя опасные места, прокладывая вехами трассу. Медленно тянулось время. Уж давно скрылись за плотной стеной тумана силуэты разведчиков. Командиры частей, стоя на обрывистом выступе мыса, долго и напряженно всматривались в бинокли, пытались разглядеть что-нибудь в свинцовой мгле. Но вот туман начал рассеиваться, открывая водную гладь и синеющую вдали полосу крымского берега. Над ней поднимались черные дымы сигнальных костров. Это означало, что разведчики уже добрались до берега и путь свободен.

И тогда один за другим двинулись через Сиваш батальоны и полки. По пояс, а местами по грудь и по горло в ледяной соленой воде шли солдаты и генералы, шли, готовые ко всему, словно не существовало для них ни смертельной опасности, ни холода, ни трехкилометровой полосы мертвой воды Гнилого моря.

Передовые батальоны еще не успели достичь и середины пути, как начались налеты немецкой авиации. Воспользовавшись тем, что наша авиация в этот момент наносила удары по вражеским объектам в глубине обороны, фашистские стервятники произвели налет на переправлявшиеся войска. Начался небывалый бой советских воинов, стоявших в воде, с фашистскими воздушными разбойниками. Бойцы отвечали на удары с воздуха огнем из винтовок, пулеметов и противотанковых ружей, устанавливая их на плечи товарищей. И ни одному стервятнику не удалось снизиться. Плотная завеса огня наших бойцов вынудила фашистских летчиков отказаться от прицельного бомбометания и заставила их сбрасывать бомбы с большой высоты. А когда появились наши самолеты, многие стервятники были загнаны в воду, и на всем пространстве между северным и южным берегом Сиваша возобновилось движение полков и батальонов. Казалось, это вновь шли войска легендарного полководца Фрунзе, и незримые нити соединили героев двух поколений. Двигала ими, руководила их действиями одна великая сила — советский патриотизм.

Добравшись до крымского берега, бойцы продолжали наступление в глубь полуострова. Промокшие, они не шли, а бежали, согреваясь на ходу. Здесь некогда, негде и нечем было обогреться. Кругом ни деревца, ни кустика, лишь одни солончаки. По всей степи за Сивашом разгуливал леденящий ветер. Видно, неуютно здесь показалось немецкому командованию. На всем прибрежном участке в районе мыса Джангара части, первыми форсировавшие Сиваш, не встретили противника. Замысел нашего командования—внезапность—полностью осуществился. Наши войска вступили на крымскую землю за Сивашом неожиданно для врага, прежде чем он успел подтянуть свои силы на этот участок.

Но враг каждую минуту мог появиться, и бойцы шли, развернувшись в цепи, готовые к бою. В эти напряженные минуты покатилась по цепям переданная политработниками весть: «Товарищ Сталин телеграммой объявил благодарность нашей дивизии, первой форсировавшей Сиваш». Радостная

весть окрылила всех бойцов. «О наших действиях уже узнал товарищ Сталин и благодарит нас», — летели сообщения от бойца к бойцу. И надо было видеть, с каким воодушевлением шли бойцы в атаки, опрокидывая и уничтожая вражеские заслоны, встречавшиеся на пути наших частей на южном берегу Сиваша.

Вслед за передовыми отрядами через Сиваш перебрасывались на понтонах орудия, грузы с вооружением, боеприпасами, продовольствием. Нашим бойцам приходилось волоком тянуть понтоны по мелководью, вытягивать тяжелый груз на лямках, на веревках, а кое-где и переносить на руках. Всю эту боевую работу возглавили коммунисты. Первой пушкой, переправленной через Гнилое море, была пушка коммуниста Хасанова, первыми минометами за Сивашом были минометы коммунистов Мартынова и Вшивкова.

В первый же день советские войска овладели несколькими селениями и создали плацдарм, обеспечивший необходимые условия для форсирования Сиваша главными силами наших войск.

Немецкое командование, обнаружив вторжение наших передовых частей в Крым через Сиваш, спешно принимало меры к восстановлению своей обороны в межозерных дефиле южнее Сиваша. К этому району помчались мотопехота, самоходная артиллерия и танки врага. 2 ноября здесь начались ожесточенные бои. Десятки атак предприняли немцы против наших частей. Не имея на первых порах на плацдарме необходимого количества артиллерии, наши войска могли противопоставить немецким танкам лишь несколько легких пушек, минометов, противотанковые ружья и гранаты. В связи с этим наше командование было вынуждено принять решение — приостановить наступление и закрепиться за Киятским и Айгульским озерами. Здесь был оборудован рубеж, ставший южной границей Сивашского плацдарма.

Восемнадцать километров по фронту и четырнадцать километров в глубину — таков был захваченный плацдарм. Перед войсками стояла задача — удержать этот плацдарм в течение всего времени, которое потребуется для подготовки к наступлению, устоять под напором противника, предпринимавшего все меры к ликвидации плацдарма. Сделать это можно было только при условии немедленной переброски на южный берег Сиваша артиллерии и другой боевой техники, бесперебойной доставки всего необходимого для боевой жизни войск.

Незначительная величина плацдарма позволяла неприятельской артиллерии непрерывно обстреливать его, держать под огнем район форсирования и северный берег Сиваша. Начались налеты вражеской авиации. Но наши воины беспрерывно, днем и ночью, грузили понтоны, надувные лодки и тянули их на южный берег. Артиллеристы ухитрялись переправлять противотанковые пушки, не ожидая, когда будут готовы переправочные средства. Соорудив из подручных материалов плоты на полозьях, волокуши, они грузили свои пушки на эти при-

Переправа советских частей через Сиваш. Ноябрь 1943 года.

способления, впрягались в лямки и волоком тащили громоздкую махину по сивашскому дну, там, где ее не могла бы тащить упряжка самых сильных коней. Коммунист командир орудия сержант Мусин вместе со своим расчетом трижды за один день перешел Сиваш. Артиллеристы перетащили на волокуше пушку, затем перенесли на руках ящики с боеприпасами и в тот же день, уставшие и полузамерзшие, выкатили свою пушку на огневую позицию и открыли огонь по врагу. Старшие переправочных команд коммунисты сержант Золочевский и старший сержант Матвиенко пересекли Гнилое море по 80 раз, доставляя боеприпасы на плацдарм.

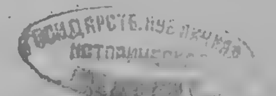
К исходу 2 ноября саперы оборудовали паромно-лодочную переправу из района Коса на мыс Джангара. Эта переправа представляла собой комбинацию надувных лодок и паромов. Ввиду невозможности из-за малой глубины применить технические средства буксировки, паромы и плоты приходилось буксировать людской силой. Некоторые паромы с установленными на них орудиями тащили сразу целые подразделения по 100 — 120 бойцов, передвигаясь шаг за шагом в холодной воде в течение нескольких часов.

На третий и четвертый день на южный берег Сиваша было таким образом переброшено необходимое количество артиллерии и боеприпасов. К 10 ноября советские войска прочно закрепили свои позиции на Сивашском плацдарме. Так был завоеван еще один исходный район будущего третьего сталинского удара — «Малая земля» на Сиваше. Отсюда в апреле 1944 года был нанесен главный удар, решивший участь всей немецкой группировки на севере Крыма.

В героических боях осенью 1943 года на Перекопе и Сиваше во всем блеске развернулись выдающиеся качества советских войск. Здесь, у северных ворот в Крым, воины Великой Отечественной войны не только повторили подвиг легендарных героев гражданской войны, но по существу совершили новый массовый подвиг в более сложных и более трудных условиях современных боевых операций.

Подвиг новых героев Перекопа и Сиваша, так же, как и подвиг солдат М. В. Фрунзе, в сознании нашего народа превратился в легенду. Рядом с памятниками героям первого поколения стоят теперь у Перекопа новые памятники героям второго поколения. Их место рядом и в истории боев за Крым. И теперь уже не только к победителям черного барона Врангеля, но и к воинам, победившим, спустя два с лишним десятилетия, нового, еще более сильного врага у ворот в Крым, обращены слова Владимира Маяковского, вырубленные на памятнике, который возвышается на Перекопе, у могил погибших героев 4 Украинского фронта:

И если
в солнце
жизнь суждена
за этими днями хмурыми,
Мы знаем —
нашей отвагой она
взята в Перекопском штурме...

ЧЕРЕЗ КЕРЧЕНСКИЙ ПРОЛИВ

В 1943 году, после Сталинградской битвы, волны могучего наступления Советской Армии на юге катились в двух направлениях — от Сталинграда на Донбасс, в Северную Таврию и на Северном Кавказе — в низовья Кубани, к Таманскому полуострову. В то время, когда войска Южного фронта последовательно взламывали оборону 6 немецкой армии на реках Миус и Молочной, открывая путь к северным воротам в Крым, войска Северо-Кавказского фронта отбросили противника от предгорий Кавказа в низовья Кубани. Последовательными ударами они взломали сильно укрепленную немецкую оборонительную полосу, известную под названием «Голубой линии», которая упиралась своими флангами в приазовские плавни и в Цемесскую бухту у Новороссийска и прикрывала Таманский полуостров.

Осуществив эту операцию в тесном взаимодействии с Черноморским флотом, наши войска разгромили 17 немецкую армию, освободили Таманский полуостров и 9 октября 1943 года вышли к Керченскому проливу. Тем самым был «окончательно ликвидирован оперативно важный плацдарм немцев на Кубани, обеспечивавший им оборону Крыма и возможность наступательных действий в сторону Кавказа»[1].

Остатки разбитых частей 17 немецкой армии, спасаясь от полного уничтожения, переправились через пролив на Керченский полуостров.

Перед войсками Северо-Кавказского фронта была поставлена новая задача: во взаимодействии с Черноморским флотом форсировать Керченский пролив и высадить десанты се-

---

[1] Из приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина командующему СКФ от 9/X 1943 г.

веро-восточнее и южнее Керчи. Плацдарм, который предстояло захватить в восточной части Керченского полуострова, был необходим нашим войскам как еще один исходный район для развертывания будущего генерального наступления в Крыму.

Нашим войскам предстояло осуществить один из самых сложных и трудных видов боевых действий — преодолеть морскую преграду. В 1941 году, захватив Крым, гитлеровцы подняли много шуму по поводу того, что им ничего не стоит переправиться через Керченский пролив, но так и не рискнули осуществить свою угрозу, хотя располагали удобными базами, большим количеством десантных судов и достаточным временем для подготовки операции. Наши войска не имели ни одного из этих преимуществ. Военно-морские базы и порты на таманском побережье, разрушенные врагом, не были пока пригодными для крупных кораблей флота. На таманском побережье отсутствовали даже простые причалы. Мелкие суда надо было еще собрать и отремонтировать. Разбросанные по всему северному и восточному побережью Азовского моря, они были частью полузатоплены, частью приведены в негодность. В предельно сжатый срок нужно было подготовить войска, плавсредства и всю материально-техническую базу для прыжка в Крым, чтобы не позволить противнику усилить свою оборону.

Природные условия позволяли врагу создать сильную противодесантную оборону Крыма. Западный берег Керченского пролива командует над восточным, — противник имел возможность хорошо просматривать вероятные исходные районы наших десантных войск. Вдоль всего побережья тянутся голые каменистые сопки. Здесь находились немецкие опорные пункты. Каждая такая высота была своеобразной крепостью. Доты и дзоты, обращенные своими амбразурами в сторону пролива и Азовского моря, стерегли подступы к побережью. А самый берег был сплошь заминирован и густо опутан проволочными заграждениями. Пролив кишел минами: надводными, подводными, магнитными, акустическими и всяких других систем. Они закрывали все фарватеры[1], за исключением тех, по которым курсировали и несли службу дозора немецкие быстроходные десантные баржи, торпедные и сторожевые катера, подводные лодки.

---

[1] Определенный путь для плавания судов.

Как и во всякой наступательной операции с преодолением широкой водной преграды, наши десантные войска лишались многих тактических преимуществ. Но зато на стороне наших войск были такие преимущества, которых не имели и не могли иметь немецко-фашистские войска. Высокая боевая выучка советских воинов, их способность побеждать врага не числом, а уменьем, умножались их горячим советским патриотизмом, беззаветной преданностью Родине и жгучей ненавистью к врагу. Эти выдающиеся качества наших солдат, матросов и офицеров дополнялись огромным опытом боев на Северном Кавказе, опытом дерзкого Новороссийского десанта и других десантов на Тамани. Дивизии и полки, которым предстояло форсировать Керченский пролив, носили гордые наименования, их боевые знамена были овеяны легендарной славой и увенчаны высшими орденами. Для этих войск, воспитанных партией Ленина — Сталина и прошедших суровую школу боев, не существовало никаких преград.

Не теряя времени, войска приступили к подготовке операции. Саперы вместе с моряками стянули в назначенные места все плавсредства. Были привлечены и рыболовные суда. Все это было отремонтировано и переоборудовано буквально на ходу. Саперы заново построили причалы, подготовили сходни, разборные пристани. Работая ночами, без отдыха, зачастую по пояс в ледяной воде, советские пехотинцы и моряки проявили много изобретательности, находчивости и инициативы в изыскании необходимых материалов, которых не было под рукой, в замене того, что нельзя было изыскать.

Самым близким к врагу трамплином для броска передовых десантных отрядов была 18-километровая узкая полоса песчаной косы Чушка, протянувшаяся наискось от Таманского к Керченскому полуострову. Но коса Чушка на всем протяжении просматривалась и простреливалась противником. На ней негде было укрыться от наблюдения, нельзя было окопаться. Поэтому районами сосредоточения войск и кораблей и исходными районами для высадки десантов были избраны места, укрытые от наблюдения противника. Такими местами были северное побережье Таманского полуострова и районы Тамани и Кроткова. А коса Чушка была использована для огневых позиций артиллерии, предназначенной для поддержки десантных отрядов. На косе

оборудовались артиллерийские позиции, хотя трудно было себе представить возможность осуществления здесь подобных работ: на глубине полуметра из-под песка уже выступала вода.

Казалось, все, даже стихийные силы природы, стремилось помешать подготовке десанта. На Черном и Азовском морях начался период штормов и туманов, препятствовавших плаванию мелких судов. На Таманском полуострове наступила осенняя распутица, затруднявшая перегруппировку войск и подвоз всего необходимого.

Но ни на минуту не прекращался напряженный ратный труд советских воинов и моряков, понимавших, что Родина ждет от них подвига. Армейские большевики разъясняли воинам важность и ответственность возложенной на них задачи и личным примером поднимали людей на самоотверженное выполнение всех работ, связанных с подготовкой десанта. Десантные войска, сосредоточенные в выжидательных районах на таманском побережье, упорно тренировали себя к предстоящим действиям, учились производить посадку на суда, вести с них огонь на ходу, молниеносно высаживаться на необорудованный берег, выгружать боевую технику, с хода штурмовать береговые укрепления. Экипажи боевых катеров и десантных ботов Черноморского флота выходили для учебы в море даже в такую погоду, когда мелким судам почти невозможно было подойти к причалам и бушующие волны грозили выбросить корабли на берег. Минеры десантных войск и моряки катерных тральщиков, ежечасно рискуя жизнью, разминировали берега и воды.

Противник не мог не заметить подготовки к десанту, сосредоточения войск и плавсредств. И он знал, что готовится высадка в Крым. Но внезапность, составлявшая основу успеха операции, была достигнута сохранением в тайне времени и места высадки десанта и направления главного удара.

К назначенному сроку могучая сила советских войск находилась в полной готовности для прыжка в Крым. Войска были охвачены наступательным порывом, готовым развернуться, подобно стальной пружине. Политорганы послали в передовые десантные отряды и десантно-штурмовые группы наиболее отважных, инициативных коммунистов и комсомольцев, способных в любой обстановке поднять людей на подвиг и, если нужно, пожертвовать собой во имя общей победы. Перед посадкой на суда, на митингах в подразделениях и частях, командиры отрядов вручали самым храбрым

воинам красные флаги с задачей водрузить их на высотах крымского берега.

Первой приступила к форсированию пролива южная десантная группа. В ночь на 1 ноября корабли Черноморского флота с десантом N-ской дивизии и батальона морской пехоты капитана Белякова один за другим отваливали от причалов Тамани и Кроткова, направляясь к крымским берегам.

Катера Черноморского флота прикрывают десант в Керченском проливе.

На море разыгрался шторм. Свирепый норд-ост гнал вдоль пролива огромные волны, от ударов которых содрогались корпуса тяжелых груженых барж, а катера, мотоботы и баркасы бросало из стороны в сторону. Если бы не боевая задача, вряд ли кто из моряков рискнул бы в такую погоду выйти в море. Но теперь они, понимая неотложность и важность этого рейса, сквозь шторм вели корабли к намеченной цели.

Когда впереди при вспышках немецких ракет обозначились темнеющие сопки керченского побережья, на кораблях,

словно по сигналу, воцарилась тишина. Люди молчали, но у всех на лицах было выражение напряженного ожидания. Наступили те незабываемые минуты перед боем, когда человек торопливо перебирает в памяти страницы своей жизни, стараясь не пропустить ничего значительного, выдающегося и вспоминая, все ли он успел совершить. Торжественно, как на параде, стояли советские солдаты и матросы, готовые победить или умереть за Родину. Всеми овладела одна мысль: скорее бы начался бой, и взоры всех были устремлены туда, где притаился враг.

В 4 часа 30 минут заговорили тяжелые батареи артиллерийской поддержки десанта с Таманского полуострова. Над головами десантников с воем понеслись снаряды, накрывая сплошным огнем разрывов немецкие береговые укрепления. Огненно-голубые лучи вражеских прожекторов заметались по морю, над береговыми сопками взвились сотни ракет, осветительные снаряды. Немцы искали десант. Но огонь нашей артиллерии не давал им возможности сразу же нащупать наши корабли. В 4 часа 45 минут наша артиллерия перенесла огонь в глубину, передовые катера, мотоботы, мотобаркасы достигли берега и начали высадку отрядов первого броска. На берегу уже кипел бой, а с моря приближались новые отряды десантных кораблей.

Эти отряды еще на подходе были обнаружены вражескими прожекторами, и на них обрушился огонь немецких береговых батарей и пулеметов. Вокруг кораблей вскипали фонтаны воды, смешанной с багровым дымом и пламенем. Но советские люди, сжав свою волю в единый порыв, продолжали выполнять боевую задачу. Корабли полным ходом шли сквозь завесу стали и огня. На всех кораблях заработали носовые орудия и пулеметы, под их огнем один за другим гасли вражеские прожекторы, захлебывались вражеские пулеметные точки. Ускользая от огня немецкой артиллерии, корабли маневрировали и с каждой минутой сокращали расстояние, оставшееся до неприятельского берега.

В двухстах метрах от берега были подожжены снарядами два наших мотобота, шедшие впереди. Один из катеров подорвался на пловучей мине. В отсветах пожаров было видно, как бойцы и моряки бросались в воду и добирались до берега вплавь. Но командиры остальных катеров и мотоботов попрежнему твердой и властной рукой управляли своими кораблями, расстреливали и топили немецкие торпедные катера, шли на выручку своим терпящим бедствие товарищам.

Подводя свои катера борт о борт к горящим судам, они вскакивали на объятую пламенем палубу и спасали людей. Раненые механики и рулевые не оставляли своих постов. Матросы боролись с возникавшими пожарами, устраняли повреждения в механизмах, ныряли в ледяную воду, чтобы заделать пробоины.

Через несколько минут после начала высадки уже десятки судов подходили к побережью. Некоторые из них волной выбрасывало на песчаную отмель. Десантники стремительно прыгали с кораблей. Одни выгружали пушки, пулеметы, боеприпасы, другие, сразу же разворачиваясь в цепи, шли в атаку на врага, оборонявшего прибрежные сопки, захватить которые нужно было во что бы то ни стало, даже ценою жизни.

Пока в руках десантников была лишь прибрежная полоска земли, а в руках врага находились опорные пункты на высотах, он мог прижать к морю, расстрелять советский десант. Успех первого десантного броска достигался прежде всего стремительностью его действий. Победа измерялась ценою секунды. Великое значение приобретал здесь подвиг тех героев, которые первыми прорывались через минные поля, сквозь многорядную колючую проволоку. И этими первыми были коммунисты и комсомольцы десантно-штурмовых групп.

Одна из десантно-штурмовых групп батальона морской пехоты капитана Белякова встретила на побережье минное поле, замытое волнами, покрытое песком и заваленное железным ломом. Миноискатели здесь не были пригодны. Саперы выбыли из строя. Моряки замешкались. И в этот момент немцы открыли огонь по морякам. Дальнейшее промедление грозило срывом высадки. Успех решался одним мгновением. Тогда вперед бросилась девушка-комсомолка, санинструктор роты главстаршина Галина Петрова. Она нашла проход и крикнула: «Сюда, за мной! Здесь нет мин!». Она не колеблясь пошла навстречу смерти и этим обеспечила успех всей десантно-штурмовой группы.

Таких, как Петрова, были десятки, сотни. Врага ошеломила дерзкая атака десантников. Моряки и пехотинцы прорвали береговую оборону противника, прошли линию прибрежных дотов и дзотов, атаковали их с тыла и через 30—40 минут после высадки захватили рыбацкий поселок Эльтиген (Героевку). 1 ноября вслед за передовыми отрядами в

районе Эльтигена высадилась почти вся десантная группа. Так началась борьба за Эльтигенский плацдарм.

Эльтигенский тактический десант приковал к себе все внимание немцев. Немецкое командование решило, что именно этот район южнее Керчи избран нашим командованием для высадки главных сил. К Эльтигену спешно стягивались немецкие резервы. А в это время северо-восточнее Керчи начали форсирование пролива и высадку оперативного десанта основные силы десантных войск, действовавших на направлении главного удара.

В ночь на 3 ноября 1943 года на широкой полосе керченского побережья — от поселка Маяк до древней крепости Еникале — после мощного артиллерийского налета высадились передовые отряды N-ской гвардейской дивизии.

Враг, хотя и прижатый к земле артиллерийским огнем, все же пытался сопротивляться. Три десятка немецких прожекторов осветили район высадки. Артиллерийским и пулеметным огнем хотели немцы остановить десантный бросок. Разыгравшийся снова шторм препятствовал кораблям подойти близко к берегу. Но, как и под Эльтигеном, десантников ничто не могло остановить. В темноте, разрезанной мечами прожекторов, озаренной вспышками разрывов и прошитой светящимися нитями трассирующих пуль, они смело соскакивали с кораблей прямо в воду и с хода шли в атаку.

С передовыми десантно-штурмовыми группами на крымскую землю вступили гвардейцы-коммунисты — рядовые Берия, Герасимов, сержанты Пасюков, Плугарев и комсомольцы — рядовой Тарасенко, младший сержант Гулиев. Это они водрузили первые красные флаги на высотах керченского побережья и своим подвигом увлекли на подвиг сотни людей.

Когда десантно-штурмовая группа, в рядах которой находился солдат Павел Тарасенко, пошла в атаку на прибрежную высоту 61,0, немцы попытались остановить десантников, прижать их к земле ливнем свинца. Надо было немедленно, любыми средствами прекратить огонь немецкого пулемета, чтобы сохранить жизни десятков людей и захватить важную высоту. Это сделал Тарасенко. Бойцы видели, как герой ползком и короткими перебежками, укрываясь за каменистыми уступами, подобрался к пулемету, забросал его гранатами, а затем, развернув красный флаг, устремился к вершине. Со ската соседней высоты немцы открыли бешеный огонь по смельчаку. Но Тарасенко в несколько бросков достиг гребня и укрепил на нем древко с развевающимся

красным полотнищем. Двадцать две пулевых пробоины появилось в полотнище за тот короткий срок, пока герой нес флаг на вершину. Это был первый красный флаг, водруженный на плацдарме северо-восточнее Керчи. Как священная реликвия хранился потом этот пробитый пулями флаг героя в политотделе армии. Еще кипели жаркие бои за плацдарм, а о комсомольце Тарасенко уже сложили песню:

...Вперед, вперед! Туда, где бой,
Тарасенко стремится,
Пробитый стяг над головой,
Как огненная птица.

И сразу людям все в глазах,
Как солнце, осветило...
И немцы кинулись назад —
Их знамя ослепило.

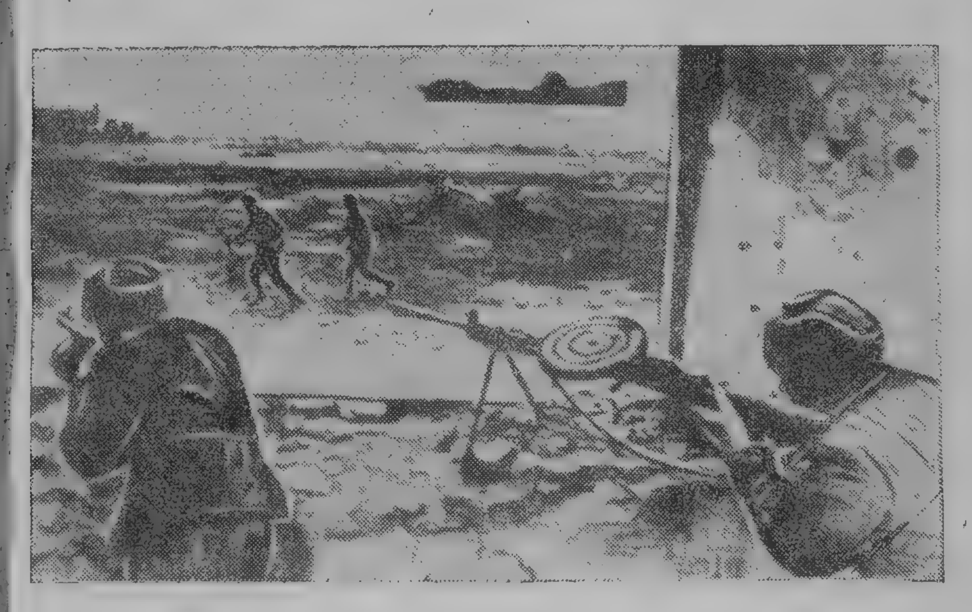
... И насмерть бой кровавый шел,
Дрались гвардейцы смело,
Их знаменосец русский вел,
Им знамя так велело!

В это же время наши войска захватили высоту 175,0. Враг попытался ее вернуть. Из пулеметного расчета младшего сержанта Махмеда Гулиева, защищавшего эту высоту, остался в живых только один командир. Но и один он продолжал вести бой. Он старался подпускать противника как можно ближе, стрелял короткими очередями, экономя патроны, бил только наверняка. Осколком мины Гулиева ранило в голову, и он приник к брустверу окопа. Осмелев, гитлеровцы вновь пошли на пулемет. Это была девятая атака врага. Пулеметчик не подавал никаких признаков жизни. Но в тот момент, когда немецких автоматчиков отделяло от огневой позиции Гулиева всего лишь несколько десятков метров, он вдруг снова открыл огонь и расстрелял по фашистам последнюю ленту. Вражеская атака была отбита. Бойцы, подоспевшие на помощь, нашли его у пулемета, потерявшего сознание от потери крови, а на скатах высоты насчитали свыше 80 трупов немецких солдат.

Сразу же после высадки передовых десантных отрядов северо-восточнее Керчи началась переброска через пролив последующих эшелонов. Наращивание сил на противоположном берегу шло быстрыми темпами. Сложным делом была

переправа артиллерии. Сильный накат не позволял судам подходить вплотную к берегу. Причалы на керченском берегу еще не были готовы. Артиллеристы под огнем выгружали свои пушки прямо в воду. Им помогали бойцы стрелковых подразделений. Вместе с артиллеристами на веревках вытаскивали они орудия на берег.

Пока на плацдарме было мало своей артиллерии, десантники пускали в ход орудия, отбитые у врага. Смельчаки специально «охотились» для этого за немецкими орудиями.

Бой десантников на побережье северо-восточнее Керчи.

Командир взвода автоматчиков комсомолец гвардии младший лейтенант Соломахин в бою за прибрежный поселок Маяк принял дерзкое решение — захватить немецкую батарею. Вместе с пятью бойцами-артиллеристами он скрытно обошел артиллерийские позиции противника и уничтожил гранатами прислугу батареи. Тяжело раненный в этом бою, он продолжал командовать: «К орудиям! Батарея должна работать на нас!» Бойцы открыли огонь по немцам из немецких же пушек.

Дерзкие, решительные действия десантников обеспечили им полный успех. В первый же день они овладели важными опорными пунктами врага — поселками Маяк, Глейки, Жуковка, пристанью Опасная, крепостью Еникале и рядом

прибрежных высот. За передовыми отрядами пролив форсировали главные силы армии. Когда немецкому командованию стало ясно, что основной удар наносится северо-восточнее Керчи, было уже поздно. Наши войска твердой ногой стали на плацдарме.

Родина высоко оценила подвиг героев Керченского десанта. 8430 воинов было награждено боевыми орденами и медалями и среди них — 3634 коммуниста и 2988 комсомольцев. 17 ноября 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР 58 самым отважным десантникам было присвоено звание Героя Советского Союза. В числе их было 34 коммуниста и 17 комсомольцев. Они были в первых рядах героев.

Советские воины совершили то, что считал невозможным враг. Фашистская пропаганда твердила, что всякая попытка советских войск форсировать Керченский пролив — бесполезная и невозможная затея. А когда невозможное стало фактом, враг был вынужден признать силу и величие духа советских войск. В руки нашего командования попал разведывательный бюллетень штаба 5 армейского корпуса немцев от 18 декабря 1943 года, в котором говорилось:

«Десантная операция противника была им хорошо подготовлена и отчасти протекала по плану, заранее продуманному во всех подробностях...

Наша пропаганда (листовки, забрасываемые самолетами и агитснарядами, интенсивная работа громкоговорящих установок) даже тогда, когда у противника было очень тяжелое положение, не имела никакого успеха.

Большевистская идеология, которой пропитан весь офицерский состав, моральный подъем в связи с успехами Красной Армии в этом году — все это способствует тому, что войска противника способны творить чудеса».

В Керченской операции, как и в других операциях с преодолением широких водных рубежей, была продемонстрирована мощь армии великого народа, не знающей ни водных, ни других преград, сила сталинской стратегии, мастерство советских генералов и офицеров, претворивших эту стратегию в жизнь.

НА КРЫМСКИХ ПЛАЦДАРМАХ

Крымские плацдармы. Завоеванные кровью героев клочки крымской земли на Перекопе, у Сиваша, под Керчью. По-разному приходилось советским солдатам сражаться за эти плацдармы, каждый из которых они называли своей «Малой землей». Разные лишения и тяготы переносили они, и каждый по-своему вносил свою лепту в дело победы. Но в то же время в их жизни и борьбе было много общего. На каждой «Малой земле» воинам приходилось воевать не только с врагом, но и с природной стихией. На всех плацдармах — голая, неуютная земля, почти лишенная растительности и источников пресной воды. Борьба за плацдармы везде требовала длительного напряжения воли и мужества, изнурительного военного труда и превратилась в героическую эпопею. И значение этих клочков земли, отбитых у врага в одно и то же время, по единому плану Верховного Главнокомандующего, было общим: это были зародыши будущей великой победы, исходные районы могучего удара по врагу.

* * *

Перекопский плацдарм. Узкий клин, пронзивший тело Перекопского вала и приставленный, как штык, к самой голове войск немецкого генерала Сикста, оборонявшихся на перекопско-ишуньском направлении. На этом выступе южнее Перекопского вала — до трех километров шириной и в четыре километра в глубину — пять месяцев шла невидимая подземная борьба за каждый метр земли.

Советские воины жили под непрерывными бомбардировочными ударами и бесконечным артиллерийским обстрелом.

Жили в блиндажах и штольнях, выдолбленных под носом у врага. Как кроты, они день и ночь рыли выносные окопы и ходы сообщения — «усы» в сторону противника. Передний край по всему фронту медленно, но верно полз вперед. Сначала до немецких позиций севернее Армянска было 500 метров, потом 400, 300, 200, 150, 100. Чем ближе исходный рубеж для броска в атаку, тем верней успех, тем меньше потерь.

А севернее Перекопского вала войска поочередно учились прорывать сильно укрепленную оборону.

— Для всех нас — от рядового бойца до генерала, — вспоминает командир пулеметного взвода старший лейтенант Алексеев, — Перекоп был суровой школой военной науки, где мы в течение пяти месяцев учились искусству побеждать.

И эта наука не прошла даром. В апреле 1944 года гвардейцы, штурмовавшие Перекоп, потеряли шестьдесят человек, а уничтожили тысячи солдат и офицеров противника, одержав большую победу малой кровью.

* * *

Сивашский плацдарм. Кругом плоские мертвые солончаки, ни кустика, ни холма. Все было на виду у противника, все простреливалось насквозь его огнем. Здесь в сырых и холодных «лисьих норах» 158 суток жили и сражались солдаты Советской Армии.

О том, как жили, просто рассказал командир роты капитан Теличко.

— Выроем глубокую нишу в стене траншеи — и готова нора. Тут было и жилье, и убежище от немецких снарядов и бомб. В глубине норы прорубят солдаты отверстие наружу, разожгут стебли полыни или пырея и греются по очереди у этого «камина». Приспособились жечь тол из немецких мин. Дров и в помине не было. Не было и пресной воды — собирали и берегли дождевую и талую воду.

«Малая земля» за Сивашом была самым важным из крымских плацдармов. Отсюда был нанесен весной 1944 года главный удар войск 4 Украинского фронта. Эту землю нужно было удержать, и советские воины удержали ее. Эти дни и ночи были суровым испытанием даже для тех, кто пережил Сталинград.

Всеми владело одно стремление — стойко вынести, пережить все, но обеспечить победу. В этом сказывалась, прежде

всего, сила большевистского влияния. В каждой «лисьей норе» регулярно проводились беседы, выпускались боевые листки и листовки-«молнии», призывавшие упорно готовиться к решающему штурму Крыма. Словом и делом воодушевляли солдатскую массу коммунисты.

В студеную ночь 5 декабря 1943 года коммунист Семен Беспятых, старшина разведывательной роты, с группой солдат отправился за «языком». Внезапно разведчиков обнаружил немецкий пулеметный расчет. Беспятых приказал своим солдатам продолжать выполнение задания, а сам пополз к пулемету и забросал его гранатами. Но один из уцелевших немцев открыл огонь. У старшины не осталось больше ни гранат, ни патронов. Тогда он бросился на пулемет и прикрыл его своим телом. Герой отдал свою жизнь, но спас жизнь двадцати разведчиков.

Подвиг каждого коммуниста рождал десятки и сотни последователей. Только в ноябре 1943 года на сивашской «Малой земле» было награждено 3500 воинов. Воины-сталинградцы на Сиваше, так же, как и под Сталинградом, высоко держали знамя своей бессмертной славы. Они не только устояли в зимней борьбе, но и подготовили плацдарм для весеннего наступления.

Чтобы надежно обеспечить войска, сражавшиеся на плацдарме, и перебросить туда тяжелую артиллерию и танки, потребовалось строительство двух капитальных переправ через Сиваш. Первую переправу саперы начали строить 4 ноября, а 9 декабря она была уже готова. 25 декабря саперы начали постройку второй переправы на мыс Джангара.

Саперам пришлось не только по 12—14 часов работать в полузамерзшей воде, под артиллерийским обстрелом, под бомбежкой, но и показать небывалые строительные темпы, чтобы переправы были готовы к сроку.

Враг делал все, чтобы помешать строительству переправ. Сотни тысяч снарядов выпустили немцы по переправам. За 135 дней немецкая авиация произвела на них 205 групповых налетов и сбросила свыше 11 000 бомб. Но переправы работали. Сорок четыре раза разрушалась одна из переправ и сорок четыре раза восстанавливали ее саперы, перевыполняя нормы на 500—600 процентов.

Когда в феврале 1944 года заканчивалось сооружение второй переправы, разразился шторм силою 10 баллов. С востока, из Азовского моря, в Сиваш нагнало массу воды. Огромные волны в три дня размыли, свели на-нет пятидесяти-

дневную работу тысяч людей. Чтобы ликвидировать последствия стихийного бедствия, командиры, политработники и солдаты работали до самозабвения, по двенадцать, пятнадцать и даже по восемнадцать часов в сутки. В марте переправа была восстановлена.

С северного берега Сиваша беспрерывным потоком шла на плацдарм могучая советская техника. На плацдарм был переброшен в полном составе танковый корпус со всей своей тяжелой боевой техникой. Вся эта сила накапливалась, вырастала, как грозная лавина, готовая обрушиться на врага.

* * *

Керченский плацдарм. Скалистый выступ Керченского полуострова северо-восточнее Керчи, который наши бойцы метко окрестили тогда «керченским пятачком».

Противник, используя господствующие высоты, держал под непрерывным артиллерийским огнем этот плацдарм и все участки пролива, по которому шла переброска наших войск. Немецкое командование подтянуло в район действий советского десанта крупные резервы пехоты и артиллерии, чтобы задержать дальнейшее продвижение десантных войск. Каждая высота и каждый холм отвоеванной у врага керченской «Малой земли» становились ареной жестоких боев с врагом, упорно цеплявшимся за каждый рубеж. Десантники шаг за шагом продвигались вперед, расширяя захваченный плацдарм.

Наши десантные войска к 6 ноября с боями заняли Осовины, Глазовку, Капканы. Началась переправа через пролив тяжелой артиллерии и танков. К 12 ноября десантники подошли уже к Булганаку, окружили и уничтожили крупный гарнизон противника в районе поселка Колонка и завязали бои на северо-восточной окраине Керчи. Отказавшись от дальнейших попыток ликвидировать захваченный нашими войсками плацдарм, немцы перешли к жесткой обороне. Свыше четырех месяцев наши войска почти непрерывно вели частые операции, отвоевывали у врага важные тактические рубежи, высоты, с которых он имел возможность просматривать и простреливать плацдарм. Немецкие части, оборонявшие Керченский полуостров, держались в состоянии постоянного напряжения. Удары, наносимые врагу с суши, с моря и с воздуха, не давали ему покоя ни днем, ни ночью.

В огне этих боев родилась Отдельная Приморская армия, здесь сложились ее славные традиции. Неразрывные нити соединяли Отдельную Приморскую армию с той Приморской армией, которая прославила себя в 1941—42 гг. героической обороной Одессы и Севастополя. Традиции приморцев крепкими нитями войсковой дружбы были связаны также с традициями военных моряков Черноморского флота, плечом к плечу с которыми воины защищали города-герои, осуществляли дерзкие десантные операции под Новороссийском и в Крыму. И теперь, на Керченском плацдарме приморцы действовали в тесном содружестве с черноморцами. Корабли Черноморского флота надежно охраняли морские коммуникации Отдельной Приморской армии.

Командиры, партийные и комсомольские организации учили воинов стойко переносить все лишения и трудности, упорно готовить себя к решающим боям, совершенствовать свое боевое мастерство так, как этого требовал товарищ Сталин. Здесь так же, как и в районе Перекопа, шла напряженная подготовка к прорыву мощной обороны врага, здесь так же непрерывно учились бить врага по всем правилам сталинского военного искусства. Ежедневно, на специально оборудованных учебных полигонах войска овладевали искусством прорыва вражеской обороны. Здесь в учебе выковывалось военное мастерство бойцов и командиров, укреплялась их уверенность в победе, а в боях умножались славные боевые традиции. Когда в январе 1944 года отряд морских пехотинцев высадился десантом на побережье Азовского моря — во фланг противнику, десантники сражались по примеру тех героев, которые первыми вступили на керченский берег. 11 января 1944 года морская пехота штурмовала высоту 164,5. Парторг роты главстаршина Павел Костенко повторил великий подвиг Александра Матросова: закрыл своим телом амбразуру немецкого дзота и этим обеспечил успех всей роты. Сотни героев совершили славные подвиги в эти дни и своим примером они поднимали на подвиги остальных.

Молодые воины пополнений, приходивших в Отдельную Приморскую армию, быстро усваивали приморские традиции. О подвигах и ратных делах им рассказывали ветераны. Одной из любимых песен воинов стала в дни боев на плацдарме «Песня приморцев», сложенная солдатом Тобольским. В ней отразились боевые традиции армии, она звала воинов вперед, к новым подвигам:

По-над Черным морем сизый ветер вьется,
Гонит к темным скалам быструю волну...
Эх, да с немцем бьются славные приморцы
За народ любимый, за свою страну.

То не туча стелется,
Не кружит метелица, —
То идут над кручами,
Выставив штыки,
На войне рожденные,
Бурей закаленные,
Славные, могучие
Приморские полки.

Ни снаряд, ни пуля, ни огонь косматый
Не страшны приморцу, если в бой идет...
Впереди гвардейцы — смелые ребята,
Молодой и дружный боевой народ.
Ночью вражий берег тьмою позакрыло,
Грозные десанты в тыл к врагу плывут.
Где прошли приморцы — там врагу могила,
Той дорогой немцы больше не пройдут.
Мы идем за счастье Родины любимой,
Город Севастополь ждет, приморцы, нас...
Нет такой преграды, чтобы не прошли мы,
Мы вождя родного выполним приказ.

* * *

Эльтигенский плацдарм. Узкая полоска земли у прибрежного поселка Эльтиген, южнее Керчи, площадью всего лишь 5 квадратных километров. 37 дней сражались высадившиеся десантом советские пехотинцы и моряки на этой «Малой земле», не имевшей тыла. Весь этот клочок земли насквозь простреливался противником из всех видов оружия. Это был самый маленький плацдарм из всех, на которых приходилось сражаться нашим десантам. Но советские воины, сражавшиеся здесь, завоевали себе великую славу. О героях знаменитой «Огненной земли» знает теперь вся страна. Писателю А. Первенцеву, рассказавшему о них, почти не пришлось прибегать к литературному вымыслу: это не выдуманные, а настоящие, живые советские люди с железной волей и стальными характерами.

Сразу же после высадки десанта — с 1 ноября 1943 года — борьба за Эльтигенский плацдарм приняла острый характер неравной схватки десантников с врагом. В связи с задержкой высадки главных сил, переброски подкреплений и боевой техники (этому препятствовал усилившийся шторм на море) эльтигенский десант оказался в тяжелом положении. В крайне невыгодных условиях, при остром недостатке артиллерийских средств, принял он на себя удар превосходящих по численности и техническому оснащению сил противника.

Гитлеровцы с началом высадки десанта предприняли ожесточенные атаки. Почти непрерывно, с тупым ожесточением, по 15—20 раз в день, шли в атаку пьяные фашистские автоматчики. Волна за волной накатывались немецкие танки на наших солдат и матросов, уцепившихся за этот прибрежный клочок земли, за развалины поселка. Разрезать на части, раздавить, сбросить в море, уничтожить советский десант — таков был приказ гитлеровского командования. Гитлеровцы были заранее уверены в успехе. Немецкое радио объявило: «Советские войска высадили крупный десант в Крыму, но принятыми контрмерами этот десант полностью уничтожен». Командование керченской группировки противника рассчитало и взвесило все, что должно было, по его мнению, привести к неизбежному, немедленному уничтожению десанта: превосходство в численности и техническом оснащении своих войск, свободу их маневра, выгодное расположение, штормовую погоду, мешавшую советскому командованию усиливать и бесперебойно питать десант. Действительно, все эти преимущества были на стороне немцев. Морская коммуникация была нарушена, десантники не могли рассчитывать на немедленную переброску подкреплений и всего необходимого со своего берега.

Но немцы не учли главного — морального величия и великой силы боевого духа советских воинов-патриотов, у которых воинское мастерство было помножено на беззаветную преданность Родине, большевистской партии и непреклонную волю к победе. Здесь были все героями, независимо от званий и занимаемых постов. Верные своему долгу, военной присяге, они насмерть стояли здесь, наспех окопавшись, приспособив к обороне все немецкие траншеи, все развалины разбитых и сожженных домов. Оглушенные разрывами снарядов, измученные бессонными ночами, они отбивали атаку за атакой, потеряв счет числу отбитых ими атак и подсчитывая лишь,

сколько осталось еще патронов, гранат и снарядов. Раненые наскоро перевязав раны, оставались в строю. Умирающи заклинали товарищей не отступать и мстить за них врагу. Здесь, у маленького рыбацкого поселка, советские воины пов торяли подвиги защитников Москвы, Севастополя и Сталин града, шли на танки с гранатами, подпускали немцев н считанные метры, и расстреливали их в упор, пропу скали танки через окопы, а затем автоматным огнем уклады вали бежавших за ними автоматчиков.

В одном из боев, при отражении очередной атаки немце создалось критическое положение. Вражеские танки угр жали прорваться к побережью и отрезать десантников о моря. Тогда пять бойцов комсомольцев повторили бессмер ный подвиг пяти героев-севастопольцев. Солдаты Глущенко Хот, Шазо, Бурлянский и Заболотный, обвязавшись гранатам бросились под немецкие танки и, пожертвовав своей жизнью подорвали их.

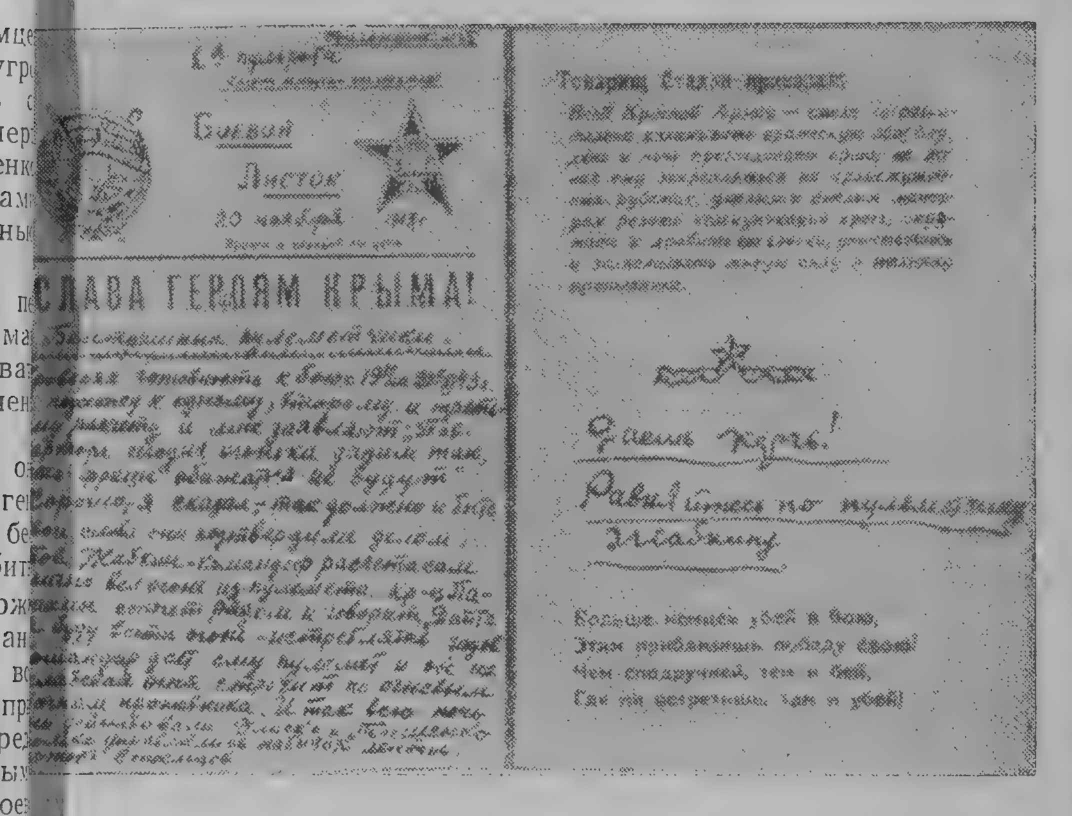
В другом бою, когда у бойцов кончились патроны, а пе хота и танки врага ворвались на командный пункт, кома дир батальона майор Андрей Клинковский приказал вызва на себя огонь нашей артиллерии. Немцы были отброшен артиллерийским налетом и ударом нашей авиации.

И хотя бои шли здесь в малом масштабе и имели о всего лишь тактическое значение, подвиги героев Эльтиге заслужили право быть записанными в историю, как и бе смертные примеры воинской доблести героев великих бит

Высокий моральный дух воинов непрерывно поддерж вался командирами, политработниками, партийными орган зациями, сумевшими использовать в этих условиях вс доступные формы политического воздействия — личный пр мер, боевой призыв, краткую беседу перед каждой очеред ной атакой врага и после боя, выпуск листовок с пламенным призывами и боевых листков с описанием подвигов героев Командиры, являвшиеся в абсолютном большинстве комму нистами, выступали здесь не только как требовательны начальники, умелые организаторы боя, но и как политически воспитатели подчиненных. Они пользовались всякой возмож ностью, чтобы воздействовать на личный состав не тольк приказом, но и силой убеждения.

Во время боев десантники не раз видели на самых опас ных участках командира дивизии, начальника политотдела командира отдельного батальона морской пехоты капитан Белякова и его заместителя по политчасти капитана Рыба

кова. Исключительная выдержка и хладнокровие этих волевых офицеров передавались всем, кто их окружал. Своей волей они цементировали подчиненный им боевой коллектив. В самом разгаре боев полковник Гладков заболел, он едва держался на ногах, но продолжал управлять — руководить боями. «Самое страшное для солдата — умереть в постели», — сказал он.

„Боевой листок", выпущенный в одном из десантных подразделений в боях на подступах к Керчи.

Четверо суток на подступах к Эльтигену кипел бой, не прекращавшийся ни днем, ни ночью. Четверо суток, до отказа наполненных визгом и грохотом снарядов, ревом авиабомб, трескотней автоматов и свистом пуль. Были минуты, когда казалось, что защищать этот клочок земли дальше невозможно и бесполезно. Но партия и народ требовали удержать эту «Малую землю» в интересах общей победы. Этот

призыв дошел до сердца каждого воина. И герои Эльтигена продолжали не только удерживать захваченный плацдарм, а и расширяли его, улучшая свое тактическое положение.

Гитлеровцы считали, что десант истекает кровью и уже не способен к решительным действиям. А десантники, получив подкрепление людьми и боеприпасами, неожиданно перешли в наступление. Каждый день приносил новые подвиги. Рота, которой командовал капитан Андрей Мирошник, прослыла ротой героев. Измученные напряжением нестихавшего боя, бойцы роты не теряли бодрого духа. Они стремились быть во всем похожими на своего геройского командира — человека с мужественным, открытым лицом и смелыми, веселыми глазами. Мирошник и его бойцы не ждали, когда их атакуют немцы, а сами выбивали врага из траншей. Бывали минуты, когда бойцам некогда было даже покурить. «Добьем фрицев, тогда уж покурим», — говорили они. В одном из боев, когда рота ворвалась в немецкую траншею, Мирошник упал, тяжело раненный. Но он продолжал звать своих бойцов на подвиг. Приподнявшись с земли, он кричал бойцам: «Вперед, ребятки! Дайте фашисту жизни...»

Когда вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР, отмечавший героев, в роте Андрея Мирошника, кроме него самого, стало девять Героев Советского Союза.

В самые тяжелые дни первых боев за плацдарм политотдел, партийные и комсомольские организации не ослабляли партийно-политической работы. В листовках «молниях» они призывали десантников: «Не пропускать неприятеля», «Равняться по героям Москвы, Севастополя и Сталинграда».

Почти ежедневно по цепям бойцов передавались листовки с пламенными воззваниями командования и политотдела. В одной из них, выпущенной на четвертый день боев за плацдарм, говорилось:

«Боевые друзья, офицеры, сержанты и бойцы-десантники. За три дня ожесточенных боев вы отбили до 50 контратак, уничтожили 15 танков врага и свыше 1500 фашистских бандитов... За вашей самоотверженной героической борьбой следит весь советский народ и товарищ Сталин... Военный Совет армии и фронта предпринимает все меры для оказания вам помощи. Так овеем же наши боевые знамена немеркнущей славой. Мы уверены, что отвоеванный у врага плацдарм вы с честью удержите и этим обеспечите возможность высадки главных сил для нанесения сокрушительного удара всей крымской группировке противника...»

Убедившись, что силой десант не уничтожить, гитлеровцы изменили тактику и решили взять десантников измором. Им удалось блокировать советский десант с суши и с моря. Немецкие сторожевые и торпедные катера, быстроходные десантные баржи, базировавшиеся на Камышбурунский порт, стаями ходили у побережья, препятствуя высадке подкреплений, переброске боеприпасов, продовольствия. Отдаленность баз мешала нашим кораблям расправиться с этими пиратами. Вражеская береговая артиллерия держала под огнем все пути подхода к плацдарму с моря, а зенитная артиллерия сторожила воздушные пути. К тому же на море не прекращался шторм. Казалось, все, в том числе и природная стихия, стало непреодолимой преградой между блокированным десантом и остальными войсками. Фашисты уже трубили о победе, вторично объявили о ликвидации десанта. Фашистские радиорупоры, подтянутые к переднему краю, кричали: «Вы окружены и отрезаны! Сдавайтесь! Вам объявлена блокада! Для вас один выход — сдача в плен! Вас бросили на смерть! Единственное спасение — плен». Пьяные гитлеровцы нагло выкрикивали: «Рус, буль-буль!» Будете, мол, скоро сброшены в море.

Но вышло совсем не так, как предполагал враг. Десантники не были одинокими героями, с ними была вся армия, флот, весь советский народ, Родина и партия большевиков.

В темные ночи, сквозь шторм, морскую блокаду и завесу огня вражеской береговой артиллерии отважные моряки Черноморского флота прорывались на катерах к Эльтигену, доставляя новые партии десантников и вывозя раненых. Несмотря на яростный огонь немецкой зенитной артиллерии, летчики нашей авиации беспрерывно, днем и ночью, в любую погоду сбрасывали в грузовых мешках на парашютах продовольствие, боеприпасы, медикаменты.

Вместе с грузами десантникам сбрасывались целые пачки писем. Это были теплые ободряющие письма командования и политотдела армии, товарищеские записки от воинов, находящихся на «Большой земле», письма от тружеников тыла, записки летчиков, доставлявших грузы. «Передайте офицерам, сержантам и рядовому составу от имени Родины спасибо за упорство и героизм, проявленные в боях за Советский Крым. Армия и страна гордятся вами!» — говорилось в одной из телеграмм Военного Совета армии на имя полковника Гладкова. «Пусть крепнет наша дружба, бейте гадов, товарищи. Мы вам всегда поможем. (Кушайте, привезем

еще)», — писала десантникам пилот «ПО-2» младший лейтенант Бивоина, доставлявшая на плацдарм продовольствие. «Держитесь, поможем всем необходимым», — призывал в товарищеской записке воздушный стрелок «ИЛ»а Буров. «Родина не забудет вашего героизма», — читали десантники в коллективном письме летчиков Н-ской бомбардировочной эскадрильи.

И воины «Малой земли» чувствовали, что они не одиноки, что неразрывные нити связывают их с «Большой землей», со всей страной, и нет силы, которая могла бы разъединить их. Это чувство придавало им бодрость, укрепляло веру в победу и являлось источником новых подвигов. На письма и телеграммы эльтигеновцы отвечали: «Враг хотел сбросить нас в море, но этому не бывать. Мы знаем, что Родина надеется на нас, что великий Сталин следит за каждым нашим победным шагом».

Немецкое командование убедилось, что и блокадой нельзя сломить железную стойкость советских десантников, и начало готовить генеральный штурм плацдарма. Противник подтянул к Эльтигену 6 румынскую кавалерийскую дивизию, сводный немецкий полк, многочисленные части усиления и с утра 3 декабря начал непрерывные атаки, которые поддерживались танками и авиацией.

И снова командиры, политработники, коммунисты направили все свои силы, все средства большевистского воздействия на то, чтобы поднять бойцов на подвиг, на беззаветную оборону своих позиций до последних сил и возможностей. В этот день все атаки были отбиты. Вечером, после боя, в подвалах, окопах и блиндажах собрались коммунисты. Заместители командиров по политчасти и парторги коротко подвели итоги дневного боя, заслушали отчеты коммунистов, поставили перед ними задачи на следующий день.

На рассвете 4 декабря атаки противника возобновились. Пять батальонов пехоты с тридцатью танками перешли в наступление на Эльтиген. Гитлеровцам удалось отрезать один наш батальон от других десантных подразделений, но сломить его сопротивление им не удалось. На собрании парторганизации батальона, проведенном в перерыве между боями, было вынесено решение: «Стоять до конца. Уважительной причиной выхода из строя коммунистов считать только смерть».

Постановление собрания написали на нескольких листках и передали по цепи. Беспартийный солдат Стрельцов первым написал на листке: «Присоединяюсь к решению коммунистов.

Буду стоять насмерть». За ним подписались и другие бойцы. Вскоре все листки вернулись к парторгу. Они были испещрены многочисленными надписями — свое согласие с решением коммунистов подтвердили собственноручно все бойцы батальона.

Батальон двое суток отражал атаки врага, а затем неожиданным ударом вырвался из кольца окружения и соединился с остальным десантом.

5 декабря десантная группа продолжала отбивать атаки крупных сил пехоты и танков врага. Но силы были слишком неравны, с каждым боем таяли ряды десантников, а противник, неся огромные потери, непрерывно подбрасывал свежие подкрепления. К этому времени дальнейшая оборона плацдарма стала уже бесцельной. Эльтигенский тактический десант выполнил свою роль: он отвлек на себя значительные силы противника, и это облегчило боевые действия по расширению оперативного плацдарма северо-восточнее Керчи. Поэтому командование Отдельной Приморской армии дало указание командиру Эльтигенской десантной группы о выводе десанта на соединение с главными силами.

В ночь на 7 декабря, собравшись в кулак на северной окраине Эльтигена, десантная группа стремительным броском неожиданно прорвала позиции противника, прошла в глубь его расположения южнее камыш-бурунской дамбы, разгромила вражеский пулеметный батальон и вышла в тылы немецкой группировки.

В эту ночь эльтигеновцы совершили героический двадцатикилометровый рейд по прибрежному району от Камыш-Буруна до Керчи, уничтожив по пути пять немецких береговых батарей, несколько зенитных батарей с их прислугой и отдельные мелкие группы пехоты. Двигались в темноте, в полном молчании, без единого звука. Головные и боковые дозоры бесшумно, без единого выстрела, уничтожали встречавшегося на пути противника. В ход пускалось только холодное оружие. Пока десантники расправлялись с одной группой застигнутых врасплох солдат и офицеров врага, другие, соседние группы гитлеровцев, спокойно спали.

Эльтигеновцы вышли к Керчи с юга, внезапным ударом захватили гору Митридат, южное предместье города и пристань. Яростные атаки фашистов, пытавшихся вернуть штурмом гору Митридат, разбились о стойкость десантников, оборонявшихся здесь до тех пор, пока их по приказу командования не вывезли корабли Черноморского флота.

А на том месте, где был Эльтигенский плацдарм, остались восемь героев из группы прикрытия — два пулеметных расчета и два автоматчика. Они добровольно вызвались остаться здесь и пожертвовать своей жизнью, чтобы привлечь на себя внимание противника и обеспечить прорыв всей десантной группы. Герои открыли огонь по врагу и тем самым скрыли от него маневр десантной группы. Враг обрушил на них огонь нескольких батарей. Смельчаки держались до последнего дыхания, пока не погибли все до одного, а немцы все еще считали, что перед ними находится целая часть, и долго обрушивали свой огонь по пустому месту.

На древней горе Митридат — в Керчи — высится, как маяк, огромный гранитный обелиск. Его издалека видно с моря. Он увенчан сверкающим орденом Славы, золотом горит высеченная на камне лаконичная надпись: «Бессмертным героям — Советская Родина». Это памятник тем, кто с именем Сталина шел в бой, кто первым пересек Керченский пролив в ноябре 1943 года — героям Эльтигена, чей подвиг стоит в одном ряду с образцами величайшего мужества и беспримерной стойкости наших воинов в великих битвах минувшей войны. В память коллективного подвига этих героев рыбацкий поселок Эльтиген получил новое название — Героевка. В этом подвиге, как и в других великих подвигах советских людей, ярко проявилось великолепное качество большевиков — храбрость, отвага, незнание страха в борьбе. Так и было сказано о десантниках в дни боев в солдатской газете:

Отвага наша всюду неизменна,
Она в бою творила чудеса,
Она вела героев Эльтигена
И легендарный Керченский десант.

СОВМЕСТНЫЙ УДАР

Боевые действия советских войск по захвату и удержанию плацдармов в северной части Крыма и на Керченском полуострове были подготовительным этапом Крымской операции 1944 года. Обладание этими плацдармами создавало условия для оперативного маневра наших войск — совместного удара двух крупных группировок в сходящихся направлениях: 4 Украинского фронта с Перекопского и Сивашского плацдармов и Отдельной Приморской армии — с Керченского плацдарма.

Войска 4 Украинского фронта наносили главный удар с плацдарма южнее Сиваша и вспомогательный — с Перекопского перешейка в общем направлении на Симферополь, Севастополь. Одновременно с развитием успеха основных сил на направлении главного удара часть сил фронта должна была развить успех в направлениях на Черноморское, Евпаторию и на Нижнегорский, Белогорск. Таким образом, пятью мощными клиньями с севера немецкие войска рассекались на отдельные изолированные группы.

Отдельная Приморская армия имела задачей с прорывом вражеской обороны в северной части Крыма нанести удар с востока и развить успех в двух направлениях: на Белогорск, Симферополь, Севастополь и на Феодосию, Ялту, Севастополь. Такой маневр лишал противника возможности использовать заблаговременно подготовленные к обороне рубежи и эвакуироваться через порты юго-восточного побережья Крыма. А с моря в это время крымскую группировку врага должны были блокировать наша авиация и Черноморский флот.

Таков был план Крымской операции — составной части третьего сталинского удара, сбросившего немецкие войска

в Черное море и завершившего освобождение от врага всего черноморского побережья от Керчи до Днестровского лимана. Этот план был разработан Ставкой Верховного Главнокомандования под непосредственным руководством товарища Сталина. Представители Ставки — маршалы Советского Союза К. Е. Ворошилов и А. М. Василевский, претворяя в жизнь сталинский замысел, от начала до конца руководили ходом блестящей Крымской операции, координировали действия 4 Украинского фронта, Отдельной Приморской армии и Черноморского флота.

Сталинский план глубоко и всесторонне учитывал военную и политическую обстановку со всеми ее противоречиями, основывался на полном анализе всех факторов, дававших ключ к победе. Как и все другие сталинские стратегические планы, этот план являет собой образец применения диалектического метода в военном деле. На основе глубочайшего проникновения в самую сущность развивающихся событий, правильной их оценки, научного предвидения их хода товарищ Сталин определяет и направление главного удара, и момент, когда он должен быть нанесен. Как и во всех других сражениях Великой Отечественной войны, в Крымском сражении товарищ Сталин учит своих полководцев искусству организации наиболее полной, наиболее решительной победы с наименьшей затратой самого ценного капитала, каким являются живые советские люди.

Осенью 1943 года, после захвата нашими войсками плацдармов на Крымском полуострове, многим казалось, что налицо уже имеются все условия для немедленного освобождения Крыма. Советские воины рвались вперед. Лозунг «Даешь Крым!», под которым выходили армейские газеты и проводились солдатские митинги, отражал настроения и солдат и генералов. Все жили одной мыслью — быстрее вернуть Родине Крым. И когда войска получили приказ закрепиться на завоеванных плацдармах, для многих было неясно, по каким причинам был временно приостановлен генеральный штурм Крыма. Интересы сохранения военной тайны не позволяли тогда раскрыть замысел Верховного Главнокомандующего.

Мудрый и дальновидный план товарища Сталина теперь предстал во всем величии не только перед военными историками, но и перед всем народом нашей страны. В памяти у всех запечатлелись волнующие кадры художественно-документального фильма «Третий удар» и слова товарища

Сталина, обращенные к маршалам Ворошилову и Василевскому:

— Гитлер держится за Крым, в первую очередь, по политическим соображениям. Падение Крыма — это падение престижа Германии в Болгарии, Венгрии, Турции. Крым откроет ворота на Балканы. Наши черноморцы снова получат свою базу — Севастополь и станут хозяевами Черного моря. Гитлер насытил Крым войсками и будет продолжать укреплять 17 армию именно по этим чисто политическим причинам.

...Немцы, отрезанные в Крыму, верят в неприступность Крыма, в свои силы. В умах этих немцев живет идея обороны. Надо ликвидировать эту идею. Там должна созреть и созреет идея эвакуации. Крым, конечно, нужно освобождать возможно быстрее. Но когда именно? Я считаю, что сигнал к штурму Крыма нужно подать в тот момент, когда войска Малиновского завяжут бои непосредственно за Одессу... И когда наши войска подойдут к Одессе, идея обороны Крыма сменится идеей эвакуации, бегства и полной обреченности. А это плохие помощники солдату. Все это подготовит почву для политического кризиса в Румынии и Болгарии. Стало быть, только в тот момент, когда войска Малиновского вплотную подойдут к Одессе, вы начнете штурм Крыма одновременно ударами с севера и с востока... Не было еще в истории войн случая, чтобы враг сам прыгнул в пропасть. Чтобы выиграть войну, нужно подвести противника к пропасти и столкнуть его туда. Так нужно поступить с 17 армией противника. Но это нужно сделать с наименьшей затратой человеческих жизней и, если хотите, с наибольшей затратой ума, умения и... металла...»

В гениальном стратегическом плане третьего сталинского удара ярко отразились замечательные черты разработанной товарищем Сталиным советской военной науки, обнимающей не только чисто военные, но и экономические и политические проблемы и исследующей все факторы и возможности, в том числе и моральные. Как и во всей Великой Отечественной войне, так и в Крымском сражении, правильный учет всех факторов давал ключ к победе.

Сама жизнь, вся история боев за освобождение Крыма, подтвердила, насколько точным и глубоким было предвидение вождя.

Гитлеру нужно было любой ценой оборонять Крымский плацдарм не только потому, что с этого плацдарма немцы рассчитывали держать под угрозой южный стратегический

фланг наших войск. Эти чисто военные соображения по мере развития наступления Советской Армии на юге теряли под собой почву, и оборона крупных сил, прочно закупоренных в «крымской бутылке», с этой точки зрения, становилась все более бессмысленной. Но Крым в те дни стал одним из последних козырей в дипломатической игре фашистского руководства Германии, проигравшего войну и стремившегося теперь возможно дольше ее затянуть, замедлить развал фашистского блока. В крымском узле сплетались линии дальнейшей политики Турции и балканских союзников Гитлера. Цепляясь за Крым, фашистские генералы питали надежды на неприступность своих позиций и возможность прорыва блокады Крыма ударом извне — с Никопольского плацдарма на левом берегу Днепра, находившегося тогда в руках немецких войск.

Поэтому немецкие войска не только не эвакуировались из Крыма, а наоборот, непрерывно усиливались и пополнялись за счет последних сил и резервов фашистской армии. Общая численность 17 немецкой армии была доведена до 200 тысяч солдат и офицеров.

Имея за собой морские коммуникации и возможность снабжаться через Одессу, через румынские и болгарские порты, находясь за мощными оборонительными позициями, немцы продолжали верить в несокрушимость своей обороны и надеяться на помощь извне. Настроения самоуспокоенности усиленно подогревались геббельсовской пропагандой о крахе советского наступления на Крым, приказами и воззваниями командующего 17 армией генерала Енекке к своим войскам. «Крым на замке, — говорилось в одном из таких приказов, изданном в ноябре 1943 года. — В мире еще нет такой силы, которая была бы способна прорвать немецкую оборону на Перекопе и Сиваше. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отдыхают в окопах. Они здесь проживут до нашей победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан».

Это поддерживало в умах солдат и офицеров 17 армии идею обороны, и они проявляли готовность оказывать упорное сопротивление.

В ходе последующих событий один за другим рушились планы немецкого командования, методически подтачивались иллюзии и надежды, на которых базировалась устойчивость солдат и офицеров 17 армии.

Шла зима 1944 года. В эту зиму на южной Украине наступила оттепель и установилось полное бездорожье. Немецкое

командование считало невозможным в такое время осуществление каких-либо наступательных операций широкого масштаба. На Никопольском плацдарме сосредоточилась крупная группировка немцев, на которую была возложена задача—ударом с севера разрезать войска 4 Украинского фронта на две части и пробить коридор для соединения никопольской и крымской группировок. Одновременно крымская группировка немцев должна была нанести удар с юга, а немецие войска, расположенные на херсонском предмостном укреплении, — с запада. По замыслу врага, это должно было привести к окружению и разгрому наших войск на подступах к Крыму и в районе нижнего Днепра. Уже все было готово, и немцы ждали лишь одного — погоды. Но украинская погода не соответствовала требованиям немецких уставов и подвела командующего армейской группой «Южная Украина» генерала Шернера. Немецкий генерал так и не дождался конца «климатической паузы», чтобы привести в движение свой танковый таран.

Товарищ Сталин приказал войскам Украинских фронтов перейти в наступление и разгромить немецко-фашистские войска на правобережной Украине. Верховный Главнокомандующий опирался на моральные резервы нашей армии, на могучую силу наступательного духа советских воинов, которые были способны привести и привели в движение тяжелую технику, когда она казалась абсолютно скованной бездорожьем. В конце января 1944 года началось мощное наступление 1 и 2, а в начале февраля 3 и 4 Украинских фронтов, явившееся полной стратегической внезапностью для немцев. Это был второй сталинский удар. В результате этого удара в течение февраля—марта все южное стратегическое крыло немецкого фронта было опрокинуто. В районе Корсунь-Шевченковский немцам был устроен новый Сталинград. Никопольская группировка врага перестала существовать. Крупнейшие вражеские группировки — «Южная группа армий» и «Южная группа А» оказались разгромленными, а их жалкие остатки выброшенными из пределов правобережной Украины. Войска 2 Украинского фронта вышли к румынской границе, а 3 Украинский фронт нацелил свой удар на Одессу.

Так была развеяна надежда солдат и офицеров 17 немецкой армии в Крыму на прорыв блокады. Положение немцев в Крыму резко ухудшилось. Важнейшая база снабжения этой армии — Одесса оказалась под ударом наших войск.

Наша авиация и корабли Черноморского флота пускали ко дну вражеские транспорты на морских коммуникациях, соединявших крымскую группировку с Одессой и портами Румынии и Болгарии. Морской путь из Крыма в Констанцу стал, по определению самих немцев, «дорогой смерти».

А в тылу врага, на железнодорожных коммуникациях 17 армии, все чаще взлетали на воздух, летели под откос, горели эшелоны с вооружением и боеприпасами, которые перебрасывались гитлеровцами к перекопским, сивашским и керченским позициям. На ветках железных дорог, на перегонах и на станциях не прекращались взрывы и пожары. То там, то здесь, как лавина, на головы немцев обрушивались новые диверсии, путавшие их планы. В Крыму появлялись все новые и новые листовки, доносившие до широких масс трудящихся слова большевистской правды, поднимавшие их на активное сопротивление захватчикам. Напрасно бесновались гестаповцы, пытаясь нащупать нити, которые вели к центру, управлявшему самоотверженной борьбой патриотов крымского подполья. Ни массовыми облавами, ни истязаниями попавших в их руки отдельных героев фашистские ищейки не могли добиться цели. Против врага действовали не герои-одиночки, а выступало целое движение массы партийных и непартийных большевиков, организованных и направляемых большевистской партией, ее представителями, которые имели за плечами огромный опыт революционной борьбы и конспирации. Тогда лишь немногие знали о деятельности Крымского подпольного партийного центра, Симферопольского подпольного горкома ВКП(б) и севастопольских подпольщиков, мало кому были известны имена героев, совершавших подвиги во вражеском тылу. Теперь об этом знает весь советский народ: о крымских подпольщиках рассказал в своей замечательной книге их руководитель Иван Андреевич Козлов.

Единым фронтом с подпольщиками действовали крымские партизаны. Восточное, Северное и Южное партизанские соединения контролировали целые районы в тылу 17 армии. Крымские леса и горы ежедневно, ежечасно грозили врагам. «Держи винтовку наготове», «Опасно—кругом партизаны»— такие плакаты развесили гитлеровцы на горных дорогах и тропах. Для прочесывания партизанских районов гитлеровское командование бросило не только батальоны изменников-татар, но и регулярные части. В ночь на 27 декабря 1943 года фашисты предприняли целую карательную экспе-

дицию, сосредоточив в районе Зуйских лесов против Северного партизанского соединения две румынские горно-стрелковые дивизии и несколько немецких батальонов с танками, артиллерией и авиацией. Гитлеровцам пришлось для этой цели снять свои резервы с перекопского и керченского направлений. Генерал Енекке отдал приказ о создании «мертвой зоны» в партизанских районах: все деревни, являвшиеся опорными пунктами партизан, начисто уничтожались. Но все было тщетно. Партизаны искусным маневром сохранили свои силы от разгрома. К 1 января 1944 года стал ясным полный провал карательной экспедиции. После нее партизаны еще больше активизировали свою деятельность. Только с 1 по 15 января они произвели четыре налета на вражеские гарнизоны, пустили под откос два железнодорожных воинских эшелона, взорвали несколько мостов и разгромили два немецко-румынских гарнизона с их штабами.

Большевики крымского подполья и крымские партизаны образовали третью линию фронта на Крымском полуострове. Их самоотверженная борьба была составной частью всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков, борьбы, выражавшей несокрушимое морально-политическое единство нашего народа. Она явилась важным фактором, ускорившим разгром врага.

С севера и с востока, с суши, с моря и с воздуха, с фронта и с тыла—со всех сторон были осаждены немцы в Крыму. Это должно было привести и привело к созреванию идеи полной обреченности и бегства в умах солдат и офицеров 17 немецкой армии. Еще не началось генеральное наступление советских войск. Немцы еще сидели на прежних позициях. Но это были уже не те, не прежние немцы. В их головах увяла идея обороны, уступив место психологии окружения, настроениям эвакуации. Солдат и многих офицеров 17 армии занимала теперь мысль о том, каким путем можно улизнуть из Крыма.

Если осенью 1943 года немецкие солдаты, отравленные ядом фашистской пропаганды, писали в Германию, что они готовы сколько угодно воевать в Крыму, где им обещаны участки прекрасной земли, то к весне 1944 года отсюда шли письма совсем другого рода. В них говорилось о Крыме, как о втором Сталинграде. Пленные сообщали: «Солдаты говорят, что Крым — величайший в мире лагерь военнопленных, с той лишь разницей, что этот лагерь сам себя снабжает и сам себя стережет». Подобное определение

крымского театра военных действий повторяло большинство пленных немцев и румын.

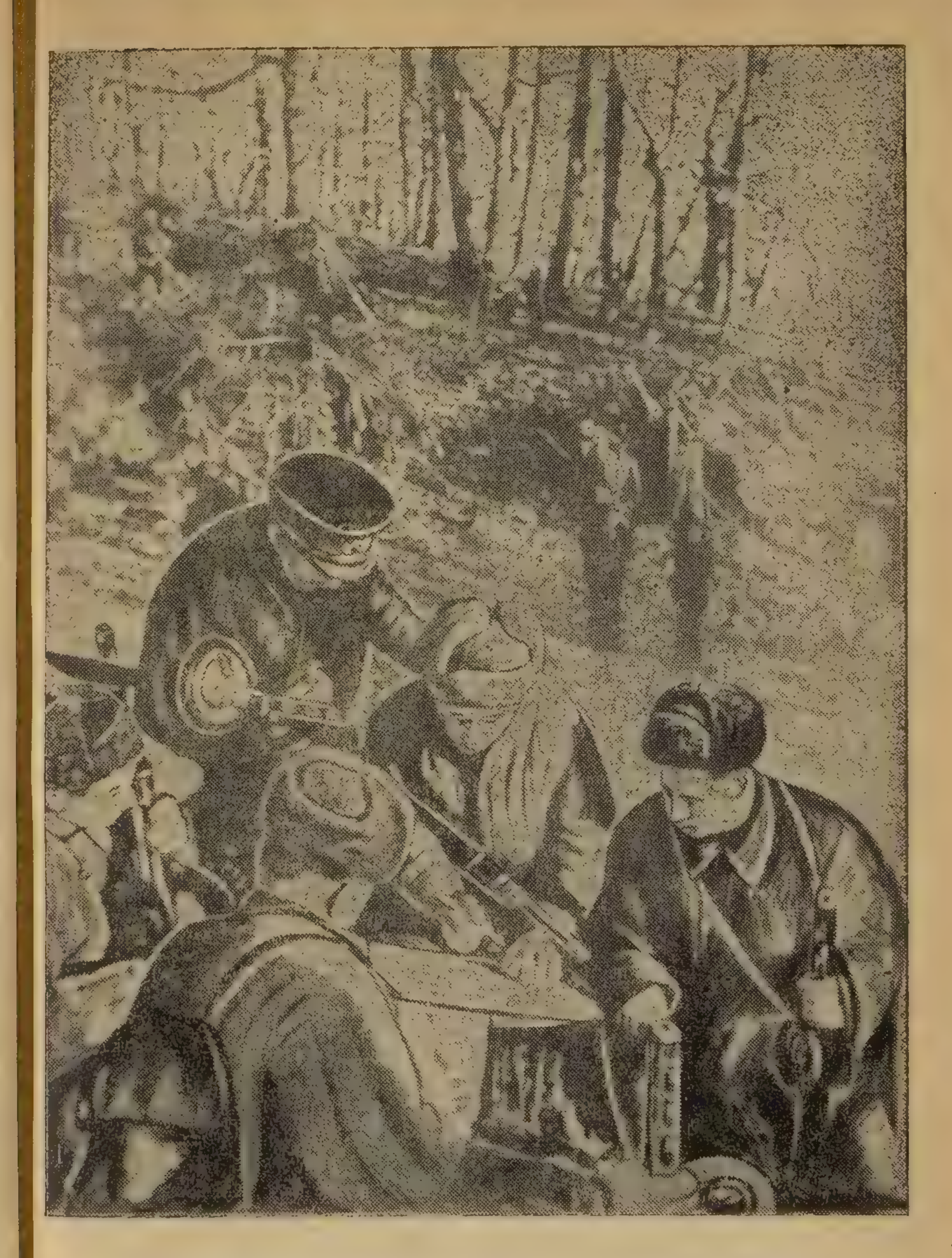
Немецкое командование не могло уже ни пропагандой, ни репрессиями прекратить упадок морального духа немецких солдат. А в румынских частях началось настоящее разложение под влиянием политического кризиса, нараставшего в самой Румынии, у границ которой стояли советские войска. Солдаты 3 горно-стрелковой румынской дивизии и других частей стали открыто говорить о том, что румынам следует начать войну с немцами. И если значительная часть войск 17 немецкой армии еще продолжала оставаться послушным орудием в руках фашистского командования, то это объяснялось прежде всего тем, что кровавый груз злодеяний, совершенных немецкими захватчиками в Крыму, заставлял их с тупым упорством оборонять свои позиции.

В то время, когда улетучивались последние остатки воинственного духа солдат 17 немецкой армии, среди советских воинов нарастал великий гнев и неудержимый наступательный порыв. Жгучая ненависть к врагу и жажда расплаты с фашистами за кровь десятков тысяч замученных, расстрелянных и удушенных советских людей, трудящихся и жителей Крыма волновали тогда каждого солдата. Жуткие следы зверских преступлений оголтелого фашизма, от которых кровь леденела в жилах, предстали перед нашими воинами в Крыму. Свыше трех тысяч трупов, в том числе сотни трупов женщин и детей, задушенных отравляющими газами, обнаружили наши воины в ноябрьские дни 1943 года в мрачных катакомбах Аджи-Мушкая. На каменных стенах катакомб они увидели душераздирающие надписи советских людей, умиравших со словами любви к своей Родине, с просьбой отомстить за них.

Тысячи наших солдат и офицеров, сражавшихся за Керчь, прочитали тогда потрясающие дневники и письма советских воинов и партизан, найденные в катакомбах. В дневнике политрука Серикова на полуистлевшем листке от 24 мая 1942 года было написано:

«Человечество всего земного шара, люди всех национальностей! Видели ли вы более зверскую расправу, чем та, которую применяют германские фашисты? Нет. Я заявляю ответственно: в истории никогда не было ничего подобного. Изверги дошли до крайности. Они начали душить людей газами...

...Катакомбы уже полны отравляющим дымом. Бедные детишки зовут на помощь своих матерей. Но увы, они лежат

Партизаны за разработкой плана операции по налету на гарнизон противника.

мертвыми с разорванными на груди рубахами, и кровь льется у них изо рта... Чувствую, что я уже задыхаюсь... Нет сил описать эту картину. Пусть вам расскажут об этом каменные стены катакомб. Они были свидетелями этой ужасающей сцены...

...Слышится пение Интернационала. Четыре молодых лейтенанта, обнявшись, в последний раз поют пролетарский гимн. Советские люди не просят пощады, не станут на колени перед бандитами. Они гордо умирают за свою любимую священную Родину»...

В короткой записке, найденной в партбилете погибшего, рядовой Чебаненко писал: «...Пусть помнят и не забывают наши дети, братья и сестры, что наша смерть была борьбой за коммунизм, за дело рабочих и крестьян, за дело партии Ленина — Сталина».

В одной из камер керченской тюрьмы были найдены предсмертные записки расстрелянного фашистами 25-летнего крымского партизана Николая Кокарева и среди них завещание, написанное кровью горячего сердца на томике пушкинских стихов: «Отомстите за нас, за тех, кто расстрелян в немецких застенках... Прощайте, друзья. Поднимите выше свой меч и жестоко мстите врагу».

Герои не умирают — ими завоевано бессмертие. В эти дни, перед штурмом и во время штурма Крыма, погибшие участвовали в борьбе, поднимая на подвиг живых. Наши воины как бы слышали голоса погибших боевых друзей. И каждый с нетерпением ждал того момента, когда будет дан приказ о генеральном наступлении, чтобы всю ненависть, искавшую выхода, сжигавшую душу, обрушить на врага огненной лавой, ливнем пуль, снарядов и мин.

Этот долгожданный миг наступил весной 1944 года. 28 марта начался третий сталинский удар, и уже к 7 апреля войска 3 Украинского фронта, сокрушившие немецкую оборону на Южном Буге, с трех сторон — с востока, севера и запада — вышли на ближние подступы к Одессе. А в 8 часов утра 8 апреля гул тысяч орудий на Перекопе и Сиваше возвестил о начавшемся генеральном штурме Крыма.

Два с половиной часа над позициями немцев бушевал артиллерийский ураган. Одновременно наша авиация наносила бомбардировочные удары по объектам обороны врага. Вражеские траншеи, доты и дзоты оказались накрытыми почти сплошным шквалом разрывов снарядов артиллерии, гвардейских минометов и авиабомб. Там, где находился про-

тивник, все было окутано облаками черного дыма. «В Крыму всё в дыму, ничего не видно», — шутили наши бойцы, наблюдавшие из траншей артиллерийскую и авиационную обработку немецкой обороны.

Немцы на Перекопе сидели глубоко под землей, в блиндажах и «лисьих норах», и ждали, когда наш артиллерийский огонь будет перенесен в глубину и наша пехота начнет атаку. Обычно в этот момент пехота противника быстро выдвигалась из укрытий на передний край, чтобы встретить атакующих ливнем огня, прежде чем они успеют достичь первой траншеи. Так поступили немцы и на этот раз. Они немедленно вслед за переносом огня советской артиллерии заняли свои позиции в первой траншее и принялись поливать огнем цепи советских солдат, двинувшиеся в атаку. Но тут случилось нечто неожиданное: огонь советской артиллерии снова обрушился на передний край, на головы немцев. Застигнутые врасплох, они ринулись назад, в «лисьи норы», оставив в первой траншее сотни убитых и раненых. Когда советская артиллерия вновь перенесла огонь в глубину и немецкие солдаты, заметив возобновившееся движение атакующих цепей, снова повылезали вперед, повторилась та же история: огневой шквал, возвращенный на передний край, накрыл основную массу вражеской пехоты в первой траншее и загнал в укрытия всех, кому удалось уцелеть.

Наше командование искусно применило один из приемов военной хитрости — демонстрацию атаки после ложных переносов артиллерийского огня при помощи чучел. Эту демонстрацию враг принял за настоящую атаку. Стрелки и пулеметчики противника усердно вели огонь по чучелам, передвигаемым с помощью шестов вперед по «усам» — ходам сообщения, которые тянулись от нашей исходной траншеи в сторону переднего края обороны противника. Немецкое командование так и не смогло определить, в какой момент начнется настоящая атака. А когда последовала атака, сопротивление врага в первой линии траншей было парализовано. Наши подразделения, сопровождаемые огневым валом, внезапным броском быстро овладели первыми двумя траншеями вражеской обороны севернее Армянска. Так началось наступление войск гвардейской армии с плацдарма южнее Перекопского вала.

Наши части, прорвавшись в тактическую глубину вражеской обороны на центральном направлении, продолжали решительно продвигаться вперед, хотя на флангах этих ча-

стей — в районах западного и восточного фасов Перекопского вала — еще находились войска противника.

Лишь в третьей линии траншей, у самого Армянска, врагу удалось оказать организованное сопротивление. Немцы яростно боролись за этот узел своей обороны на Перекопе. Но и здесь исход борьбы был быстро решен в нашу пользу смелыми обходными действиями штурмовых отрядов и героизмом советских воинов. Батальон гвардейцев-сталинградцев капитана Михаила Бакирова, действовавший в качестве штурмового отряда, первым ворвался в Армянск с запада. Когда путь гвардейцам преградил огонь вражеского дзота, командир взвода комсомолец гвардии лейтенант Петр Карелин прикрыл амбразуру дзота своим телом. Гвардейцы сломили сопротивление врага. Их успех был развит другими подразделениями дивизии. Обойдя Армянск с запада и востока, наши части в первый же день наступления овладели этим узлом и лишили немцев возможности сковать наши войска в горловине Перекопского перешейка.

Развивая успех, советские части неожиданно нанесли фланговые удары по немцам, оборонявшим западный и восточные фасы вала, и вынудили их искать спасение в бегстве. Расширяя прорыв и продолжая наступление к югу от Армянска, войска гвардейской армии полностью преодолели главную оборонительную полосу немцев на Перекопском перешейке. За два дня они уничтожили на Перекопе свыше 2 000 и захватили в плен 300 немецких солдат и офицеров. Советский десант, высаженный 10 апреля в тыл врагу между Перекопскими и Ишуньскими позициями, вызвал панику среди немцев. Преследуя их, гвардейская армия вышла к Ишуни.

Победа достигалась согласованными действиями наших войск, выполнявших общую задачу по цели, времени и месту. В одно и то же время с наступлением гвардейской армии на перекопско-ишуньском направлении началось наступление другой армии с Сивашского плацдарма. Бои, развернувшиеся здесь 8—11 апреля, явились одним из ярких образцов советской тактики маневрирования. Наши войска наносили удары с Сивашского плацдарма в четырех направлениях. Прорыв на любом из этих направлений выводил наши части из узких межозерных дефиле южнее Сиваша на оперативный простор. В первый же день, 8 апреля, наибольший успех был достигнут на одном из направлений, на левом фланге, где оказалась прорванной первая оборонительная полоса

противника, которая прикрывала Томашевское дефиле. Этот успех был немедленно использован нашим командованием.

На участок наметившегося успеха были перегруппированы резервы, подтянуты мощные артиллерийские средства. В этом направлении развернулся в полной готовности танковый корпус. Сюда нацелили свой удар основные воздушные силы фронта. Это направление стало направлением главного удара армии и фронта. Последующее развитие боевых действий показало, насколько правильными были действия нашего командования, сосредоточившего все силы для развития наметившегося успеха.

9 апреля, после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, наша пехота, в тесном взаимодействии с танками, быстро сломила сопротивление врага, прорвала его вторую оборонительную полосу южнее Каранки — между заливом Сиваша и Айгульским озером — и отрезала пути отхода каранкинской группе противника на Томашевку. В ночь на 10 апреля один из стрелковых полков, который осенью 1943 года первым форсировал Сиваш, повторил свой подвиг: советские воины перешли вброд по топкому илу Айгульского озера и ударили во фланг врагу, оборонявшему Томашевку. А основные силы нашей ударной группировки тем временем атаковали позиции противника с фронта. К утру Томашевка была взята нашими войсками. К исходу 10 апреля войска левого крыла армии, продвинувшись на юг и юго-восток от Томашевки, завершили прорыв обороны противника на всю ее глубину и вышли на оперативный простор. За эти два дня противник потерял до 8 000 солдат и офицеров убитыми и свыше 800 — пленными.

Врагу уже нечем было закрыть образовавшуюся здесь брешь. Все его резервы еще раньше были переброшены на перекопско-ишуньское направление. Там немецкое командование ожидало главный удар советских войск. На ишуньских позициях хотели немцы задержать и парализовать этот удар. Это был очередной просчет немецкого командования.

На рассвете 11 апреля из района Томашевки в прорыв вошел танковый корпус. Тремя колоннами танковые части устремились на юго-восток по равнине степной части Крыма. За ними на автомашинах неотступно следовали стрелковые части и артиллерия. С воздуха их надежно прикрывала авиация. Тщетны были попытки врага преградить путь этой грозной лавине советских войск. Заслоны и арьергардные части противника были разгромлены прежде, чем они успели

приготовиться к отражению удара. В течение нескольких часов танковые части продвинулись вперед до 30 километров, взяли до 2 000 пленных и во второй половине дня 11 апреля с хода захватили важнейший узел дорог Крыма — Джанкой.

Прорыв советских войск на Джанкой сразу же привел к краху всей обороны противника на севере Крымского полуострова. Оказавшись под угрозой фланговых ударов и полного окружения, покатились на юг и юго-запад вражеские войска с ишуньских позиций, с южного побережья Сиваша, с Чонгарского перешейка, с Арабатской стрелки. Так в три дня рухнула и развалилась под ударом советских войск мощная оборонительная система немцев на перекопско-ишуньском и сивашско-чонгарском направлениях, которую они создавали около двух лет и которая, по словам генерала Енекке, была «во много раз сильнее, чем так называемый «Атлантический вал».

Наступление 4 Украинского фронта развивалось в тесном оперативном взаимодействии с Отдельной Приморской армией, наступавшей с Керченского полуострова. Действия этой армии были примером блестящего маневра, который спутал все расчеты немецкого командования. Немецкое командование еще 10 апреля во второй половине дня, почувствовав серьезную опасность, грозившую с севера, спешно сняло с керченского направления часть сил, в том числе 73 пехотную дивизию, и бросило их к Джанкою. В этот момент и последовал внезапный удар войск Отдельной Приморской армии, которая перешла в наступление в 22 часа 10 апреля, применив совершенно неожиданный метод атаки—без артиллерийской подготовки.

В течение восьми часов войска армии прорвали главную полосу немецкой обороны. К 6 часам 11 апреля они освободили город и порт Керчь. В бой были введены подвижные отряды и группы, которые, пройдя в первый же день до 30 километров, разорвали фронт противника на ряд отдельных участков, лишили его управления и не позволили ему задержаться на промежуточных рубежах. Немцы возлагали особые надежды на древний Земляной вал, который пересекает Керченский полуостров с севера на юг. Но наши войска вышли к этому валу раньше отходивших немцев, преодолели его и разгромили в районе Марфовки 9 кавалерийский полк 6 румынской кавалерийской дивизии прежде, чем командир полка успел разобраться в обстановке и собрать свои подразделения. Окончательно уяснять обстановку румынскому пол-

ковнику пришлось уже в качестве военнопленного. Не удалось противнику задержаться и на сильно укрепленных Акмонайских позициях. Эти позиции были прорваны нашими войсками в течение двух часов.

С утра 12 апреля началось преследование 17 немецкой армии на всех участках. Основную роль в разгроме немецко-фашистских войск сыграли подвижные группы и отряды. Танковые части, пехота на автомашинах и артиллерия на мехтяге, входившие в состав подвижных групп и отрядов, развили небывалые темпы наступления — до 70—80 километров в сутки. С севера и с востока, в семи направлениях, они настигали отступавшие войска противника, рассекали их и громили по частям. За передовыми отрядами, почти не отставая от них, двигались главные силы наших войск. В тылу неприятельских войск перешли к активным действиям соединения крымских партизан, которые отрезали пути отхода врагу и содействовали частям Советской Армии в ликвидации отдельных вражеских группировок. Основные дороги, по которым отходили крупные силы врага, оказались под ударами воздушных сил 4 Украинского фронта и Отдельной Приморской армии, а морские коммуникации противника — под ударами авиации и кораблей Черноморского флота. Черноморцы лишали крымскую группировку врага связи с ее румынскими базами и возможности подбрасывать резервы на Крымский плацдарм. Это был совместный удар, гениально спланированный Верховным Главнокомандующим. Враг сразу же оказался в положении, которое метко охарактеризовано русской пословицей: «Куда ни кинь, везде клин». Согласованные, точные, дерзкие и стремительные действия советских воинов всех родов оружия и народных мстителей не позволили врагу закрепиться на промежуточных рубежах.

Преследование противника шло с севера, от Ишуни — на Черноморское, на Евпаторию и на Симферополь; от Джанкоя — на Симферополь, на Белогорск и Нижнегорский; с востока, с Керченского полуострова — на Белогорск, Симферополь и по приморской дороге на Феодосию, Ялту. Советское командование сразу же нацелило удары подвижных частей на важные опорные пункты противника, на которых он предполагал заслониться арьергардами, чтобы выиграть время для планомерного отвода своих главных сил в севастопольский укрепленный район.

Основным опорным пунктом вражеской обороны, прикрывавшим пути к портам южного побережья Крымского полу-

острова, был Симферополь. Поэтому немецкое командование попыталось задержать наступление советских войск прежде всего на симферопольском главном направлении. Здесь у немцев был заранее подготовлен укрепленный рубеж, который перехватывал дороги от Ишуни и Джанкоя на северо-западных подступах к Симферополю. Части 111 и 336 немецких пехотных дивизий, усиленные большим количеством артиллерии, минометов, танков и самоходных орудий, укрепились в районе Сарабуза, превратив этот пункт в узел сопротивления. Подошедшие сюда вечером 12 апреля с севера части танкового корпуса встретили упорную оборону врага. Немцы ожидали, что советские подвижные части ввяжутся в затяжной бой и потеряют время.

Но командование нашей подвижной группы не стало терять времени. Активными действиями части сил в направлении на Сарабуз оно отвлекло внимание противника, а тем временем главные силы обошли сарабузский узел с востока и утром 13 апреля ворвались в Симферополь со стороны Феодосийского шоссе. Противоположные окраины Симферополя еще раньше, ночью, были захвачены партизанскими отрядами «За советский Крым», «За победу», которые перехватили все пути отхода противника. Симферопольский гарнизон немцев был разгромлен за несколько часов. Освободив столицу Крыма, наши войска захватили до 1000 пленных.

Удар был настолько неожиданным, что немецкое командование не знало о занятии советскими войсками Симферополя. В направлении Симферополя продолжала отступать с востока крупная вражеская группировка — до 5 000 человек. Правофланговые подвижные отряды Отдельной Приморской армии стремительно преследовали эту группировку вдоль Феодосийского шоссе. Со стороны Симферополя навстречу ей устремились танки, а со стороны Нижнегорского наперерез врагу шел левофланговый подвижной отряд Н-ской армии. Западнее Белогорска противник был окружен и частью уничтожен, частью пленен. Здесь войска 4 Украинского фронта соединились с войсками Отдельной Приморской армии.

В течение 13—14 апреля наши войска ликвидировали попытки врага осуществить планомерный отход на всех остальных направлениях. Правофланговые отряды гвардейской армии 13 апреля смелым ударом танковых частей и пехоты овладели городом и портом Евпаторией — важнейшим опорным пунктом обороны немцев на западном побережье Крыма, а 14 апреля полностью очистили от противника все западное

побережье до Качи. Левофланговые подвижные отряды Отдельной Приморской армии, освободившие 13 апреля город и порт Феодосию — важный опорный пункт обороны противника на юго-восточном побережье Крымского полуострова, к исходу 14 апреля, развивая наступление вдоль побережья, вышли уже на подступы к Алуште. Во взаимодействии с подвижным отрядом 4 Украинского фронта, который по Алуштинскому шоссе достиг Южного берега и отрезал путь отхода противнику, приморцы ликвидировали здесь еще одну крупную группировку немецко-румынских войск.

За отличные боевые действия товарищ Сталин трижды за один день 13 апреля объявил благодарность войскам 4 Украинского фронта и войскам Отдельной Приморской армии. Столица нашей Родины Москва трижды салютовала в этот день освободителям Крыма.

Немецкому командованию не удалось вывести из-под удара свои главные силы. Стремительное наступление советских войск не позволило фашистским варварам осуществить и план полного уничтожения дворцов, здравниц и исторических памятников Крыма. Оно же спасло от гибели многих советских патриотов, с которыми не успели расправиться гитлеровские палачи.

Фашистские факельщики и минеры уже подготовили к уничтожению прекрасный Воронцовский дворец в Алупке, Ливадийский и Юсуповский дворцы. Этому помешал стремительный маневр подвижных частей Отдельной Приморской армии. Одному из подвижных отрядов этой армии принадлежит слава беспримерного перехода через труднодоступный горный хребет Яйлы. Командир отряда майор Козиков повел свой отряд кратчайшим путем наперерез немецким подразделениям, отступавшим через Ялту. Советские воины не только сами прошли по тропам через горный массив, но и перебросили через горы материальную часть, хотя для этого им пришлось на веревках спускать с круч и обрывов пулеметы и пушки. Подобно горной лавине, скатились советские чудо-богатыри в районе Ялты на головы ошеломленных немцев и пересекли им путь к осуществлению преступного замысла и к бегству.

Другие подвижные отряды приморцев обгоняли отходившие вражеские колонны параллельным преследованием по проселочным дорогам и тропам. В горно-лесистой части Крыма танкисты вели свои машины по кручам, создав новые приемы тактического применения танков в условиях горной войны. Преследуемые регулярными частями немецкие войска под-

вергались непрерывным ударам с тыла и с фланга. А на дорогах отступления гитлеровцев подстерегали партизанские засады. По ночам партизаны спускались с гор и совершали дерзкие налеты на врага. Так было, например, при освобождении Бахчисарая, в который партизаны ворвались раньше, чем туда подошли регулярные советские части.

«Планомерное» отступление 17 немецкой армии превратилось в паническое бегство разбитых и деморализованных групп солдат и офицеров, думавших лишь о спасении своей шкуры. «Мы бежали, как стадо баранов, — заявил один из пленных офицеров. — Но русские танки и партизаны оказались у нас в тылу. Нам ничего не оставалось, кроме сдачи в плен».

От двухсоттысячной немецкой армии за девять дней наступления советских войск в Крыму сохранились лишь остатки разбитых, наполовину уничтоженных дивизий. Эти остатки бежали в севастопольский укрепленный район, который ненадолго стал последним оплотом немецко-фашистских захватчиков в Крыму.

Оценивая одержанную победу, газета «Правда» писала в передовой за 13 мая 1944 года:

«Прорыв немецкой обороны в Крыму был совершен внезапно, стремительно и одновременно в нескольких местах. Советские полки и дивизии с замечательным умением реализовали план Верховного Главнокомандования Красной Армии. Удары были нанесены неожиданно, с неодолимой мощью. Врага били там, где он не ожидал удара, тогда, когда он его не ждал, и так, как он не мог и предполагать. Здесь еще раз восторжествовала великая сталинская стратегия».

ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

16 апреля 1944 года войска 4 Украинского фронта вышли к внешнему севастопольскому обводу с севера и с востока. Двумя днями позже туда подошла с юго-востока Приморская армия, вошедшая в состав фронта. Начался последний этап Крымской операции 1944 года и заключительный акт всей битвы за Крым.

К этому времени Советская Армия одержала выдающиеся победы на всем советско-германском фронте, вышла к нашим государственным границам с Румынией и Чехословакией. Под ударами советских войск начал трещать союз между фашистской Германией и Румынией.

Разгромленные дивизии 17 немецкой армии, откатившиеся к Севастополю, пытались спастись бегством из Крыма. Но 19 апреля Гитлер приказал прекратить начавшуюся было эвакуацию тылов немецких войск из Севастополя, «удерживать севастопольский обвод и Балаклавские высоты до последнего солдата, не отступать ни на шаг». Цели гитлеровской ставки были ясно изложены в приказе командующего 17 немецкой армией генерала Енекке от 24 апреля 1944 года: «Фюрер приказал оборонять крепость Севастополь, тем самым поставив нам большую и серьезную задачу. Ей принадлежит самое решающее значение... Все, что противник бросил на Крым, может участвовать в наступлении Советов против Запада и против сердца Румынии. Чем больше усилия врага взять Севастополь, тем увереннее Германия, которую мы заслоняем здесь щитом... Нам ясно: здесь нет пути назад. Перед нами — победа, позади нас — смерть. Мы останемся здесь до тех пор, пока фюрер приказывает нам сражаться на этом решающем участке гигантской мировой борьбы».

Гитлеровская ставка решила повторить стратегический ход нашего Верховного Главнокомандования, сделанный нами на первом этапе битвы за Крым. Сковать и обескровить наши войска под Севастополем, как это сделали советские войска в 1941—42 годах с армией фон Манштейна, заставить их растратить при попытках штурма севастопольской крепости свои силы, задержать их поход на Балканы — таков был гитлеровский план, продиктованный прежде всего политическими соображениями. Удастся или не удастся немцам надолго устоять в севастопольской крепости и осуществить план Гитлера, удастся ли Гитлеру поддержать свой пошатнувшийся престиж в Румынии и Турции — эти вопросы вызывали тогда повышенный интерес не только у военных обозревателей. Севастополь в эти дни вновь приковал к себе внимание стратегов и политиков всего мира.

Все приказы и обращения к немецким войскам в Севастополе, изданные в этот период фашистским руководством и командованием, носили явно пропагандистский характер, были рассчитаны на то, чтобы поднять упавший моральный дух немецких солдат. Фашистские генералы обещали «защитникам» Севастополя помощь авиацией, флотом, продовольствием и боеприпасами. Они взывали к чувству долга перед фашистской «родиной». Это чувство они поддерживали публичными расстрелами дезертиров, обещаниями высших наград, вилл и лучших участков крымской земли тем, кто отстоит Севастополь.

Угрозами и посулами, свирепой расправой и двойными окладами жалованья, дубовыми и железными крестами пыталось фашистское командование заставить своих солдат защищать свой последний оплот в Крыму и престиж Гитлера в Европе.

На что надеялись гитлеровцы, пытаясь осуществить свою затею? Они рассчитывали, прежде всего, на неприступность севастопольской крепости.

Главный рубеж обороны немцев сочетал в себе весьма сильные естественные позиции и мощные инженерные сооружения. Основу обороны противника составляли горные кряжи и скалистые высоты, охватывающие полукольцом подступы к Севастополю с суши. С севера на юг дугой тянутся Мекензиевы горы, Инкерманские высоты, Федюхины высоты, Балаклавские горы, а за ними, ближе к Севастополю, гряды высот, среди которых возвышается Сапун-гора. Это был созданный самой природой и усиленный сталью и бетоном оборони-

тельный пояс. Оборона противника имела многополосный характер.

Ключевой позицией обороны немцев под Севастополем была Сапун-гора — скалистое безлесное плоскогорье, протянувшееся юго-восточнее Севастополя. Крутые скаты ее обращены в сторону наступающих войск, отроги, подобно каменному щиту, загибаются к морю. Гора господствует над всей окружающей местностью. Она поднимается, как бастион, преграждающий пути в Инкерманскую долину, к Севастополю и бухтам мыса Херсонес. Скаты Сапун-горы достигают крутизны в 40—50 градусов и являются прекрасной преградой для танков. С вершины горы и соседних безыменных высот противник имел возможность просматривать и контролировать все подступы к переднему краю своей обороны и наблюдать расположение наступавших войск, на отдельных участках до 10—12 километров.

Сапун-гора—это естественная крепость. Поэтому гитлеровцы не жалели ни сил, ни средств для того, чтобы до предела ее укрепить. На Сапун-горе имелись сооружения полевого и долговременного типа, расположенные ярусами. По ее восточным скатам проходил основной оборонительный рубеж противника глубиною до 4 километров. У подножья горы тянулась одна линия траншей, вслед за нею — через несколько сотен метров вверх — вторая и у самого гребня горы — третья. Система траншей, соединенных многочисленными ходами сообщения, была до предела насыщена огневыми средствами. Помимо пулеметных и минометных точек здесь приходилось в среднем 6—8 дотов на один километр фронта. Доты были сооружены из железобетонных балок, из металлических конструкций, а некоторые из них были высечены прямо в скалах. В них укрывались тяжелые и легкие орудия, пулеметы. Вся эта система прикрывала плотным многослойным огнем подступы и возвышенности, расположенные вокруг Сапун-горы. Здесь немцы имели сотни орудий. На каждые полсотни немецких солдат приходилось 16 пулеметов. Врага здесь защищал камень, массивная толща породы, для разрушения которой требовалось прямое попадание тяжелого снаряда или бомбы.

На всем протяжении передний край немецкой обороны и подступы к нему были заминированы и прикрыты проволочными заграждениями в 2—3 кола. Узел сопротивления противника на Сапун-горе находился в огневой связи с узлами обороны на горе Сахарная Головка, горе Горная и безымен-

ных высотах западнее селения Кадыковка. Не менее мощным узлом обороны на центральном участке главного оборонительного рубежа являлась Сахарная Головка. Сильно укрепили немцы и остальные участки, представлявшие также сочетание труднопроходимых для всех родов войск естественных позиций и первоклассных инженерных сооружений.

Немцы располагали вполне достаточными силами для обороны этих мощных позиций на узком участке фронта. Противник имел под Севастополем более 72 тысяч солдат и офицеров (свыше восьми дивизий при 1350 орудиях).

Немецкое командование было уверено в том, что Сапун-гора и другие крепости севастопольского укрепленного района устоят перед любым натиском советских войск. Командующий 17 армией генерал Альмендингер, сменивший битого генерала Енекке, в приказе, изданном 3 мая 1944 года, то есть буквально за несколько дней до штурма Севастополя, хвастливо заявил: «Нам представляется обескровить на этом фронте превосходящие силы красных. Плацдарм на всю глубину сильно оборудован в инженерном отношении, и противник, где бы он ни появился, запутается в сетях наших оборонительных сооружений. Никому из нас не должна даже и в голову притти мысль об отходе с этих позиций».

Назвав свои позиции под Севастополем «Каменным фронтом», фашистские генералы надеялись на их неприступность, на мощь первоклассной крепости. Но они не поняли и не могли понять того, что Севастополь был неприступной крепостью, когда его защищали патриоты нашей Родины, и перестал быть ею, когда за севастопольскими обводами был застигнут и пойман, как в мышеловку, раненый фашистский зверь.

Штурмовать Севастополь пришли герои Сталинграда, Перекопа и Сиваша, участники горной войны на Кавказе, Новороссийского и Керченского десантов. К Севастополю вернулись и те, кому довелось защищать его в 1941—42 годах, ветераны Приморской армии и Черноморского флота. Тогда, двадцать два месяца тому назад, покидая разрушенный город, они уносили с собой нерушимую клятву — отомстить подлому врагу и вырвать из его рук черноморскую твердыню. Теперь они пришли выполнить эту клятву, и никакая сила не могла их удержать. Сюда пришло во всей своей мощи грозное оружие, которое ковалось нашей военной промышленностью, великим беспримерным трудом советского народа в течение двух лет разлуки с Севастополем. Родина дала за эти годы своим воинам все необходимое для

победы, а воины в совершенстве овладели искусством побеждать.

Советских воинов, пришедших освобождать Севастополь, звали на подвиг бессмертные традиции героев многих поколений великого русского народа. Воины знали, что они стоят у колыбели русской воинской славы, у великого города двух оборон. Каждый камень на подступах к Севастополю имеет свою историю, каждый метр сухой каменистой земли здесь дважды полит кровью русских героев. Священные камни Севастополя осенены доблестью моряков и солдат Нахимова и Корнилова. Здесь покрыли себя немеркнущей славой воины Советской Армии и моряки Черноморского флота. На этих скалах, на развалинах некогда грозных укреплений, каждый воин мог видеть высеченные на камне и выжженные на дереве надписи, сделанные рукой тех, кто насмерть стоял здесь и держал передовой рубеж севастопольской обороны.

Гитлеровцам не удалось задержать натиск наступавших советских войск на этом передовом рубеже, где в 1941 — 42 годах немецкие дивизии были остановлены советскими пехотинцами и моряками. Наши войска взяли его с хода. Первая брешь в «Каменном фронте» немцев была пробита 16 апреля. Выйдя к с. Фруктовое, — северному укрепленному району Севастополя, — части гвардейской армии ворвались в узкую Бельбекскую долину, стиснутую мрачными каменными стенами. Эту долину не могли взять лучшие армии мира, штурмовавшие Севастополь в Крымскую войну. Ее завалили своими трупами немцы, пытавшиеся прорваться вдоль реки Бельбек на запад в 1941 году. Она получила тогда у немцев название «Долины смерти». Вдоль каменных террас, окружающих долину, рядами стояли немецкие железобетонные доты. Это не остановило советских гвардейцев, преодолевших долину и взявших штурмом высоты южнее р. Бельбек. В главный оборонительный рубеж противника был вбит клин с севера глубиною до двух километров. А с юго-востока в оборону врага 18 апреля вклинились передовые отряды Приморской армии, которые захватили Пригородное и Балаклаву.

Но прорвать всю мощную оборону противника с хода было невозможно. Поэтому наши войска приступили к тщательной подготовке штурма.

По замыслу нашего командования штурм Севастополя намечалось осуществить одновременными ударами с трех направлений: с севера, с востока и с юго-востока. С севера, в направлении на Мекензиевы горы, должна была на-

ступать гвардейская армия; с востока, на Сахарную Головку и северную часть Сапун-горы—N-ская армия; с юго-востока, на южную часть Сапун-горы и вдоль побережья — Приморская армия. Главный удар наносился на участке Сапун-гора — берег моря левым крылом N-ской армии и основными силами Приморской армии. Направление главного удара выводило наши войска в районы, овладение которыми отсекало главные силы врага от Севастополя и лишало его возможности эвакуироваться морем. Наша авиация и Черноморский флот имели задачей блокировать немцев с воздуха и с моря.

Это была сложная и трудная задача, решить которую могли только войска, обладающие непревзойденным военным мастерством. Части, которым предстояло штурмовать Сапун-гору и другие укрепленные высоты, тщательно готовились к боям. В батальонах создавались штурмовые группы, способные самостоятельно наносить разящие удары по опорным пунктам обороны врага, блокировать и уничтожать доты.

Политработники, партийные и комсомольские организации помогли командирам подобрать в штурмовые группы наиболее умелых и отважных воинов, отличившихся в боях. Туда были посланы самые инициативные, волевые, закаленные в боях коммунисты и комсомольцы. Посланцы большевистской партии разъяснили воинам военное и политическое значение сражения за Севастополь, огромную важность задачи, поставленной товарищем Сталиным. Войска были охвачены высоким наступательным порывом. Девиз «Даешь Севастополь!» был начертан на лафетах орудий, на бортах танков, на фюзеляжах самолетов, на кабинах машин. Эти слова выкладывали камнями по обочинам фронтовых дорог. Лозунгом «Даешь Севастополь!» начинались листовки и боевые листки, им заканчивались речи на солдатских митингах и клятвы мести на могилах погибших героев.

В ходе подготовки к штурму севастопольских укреплений наши войска проводили частные операции, прощупывали немецкую оборону, улучшали свои тактические позиции, чтобы создать таким путем выгодные условия для штурма. На отдельных участках усиленные отряды наших войск постепенно вгрызались в оборону противника. Мелкие штурмовые группы просачивались между дотами и пулеметными точками врага. Для немецкого командования, которое рассчитывало, что наши войска сразу же пойдут на штурм своими главными силами и будут измотаны, оказался полной неожиданностью такой

метод медленного, но настойчивого прогрызания обороны, примененный нашим командованием по предложению Ставки. Результатом этих боевых действий было не только то, что в наших руках оказались важные позиции, но и то, что противник непрерывно изматывался, находился в напряженном состоянии и не мог разгадать ни времени начала генерального штурма, ни направления главного удара наших войск.

Пока шли бои «местного значения», советские воины совершенствовали свое боевое мастерство и в ответ на первомайский приказ товарища Сталина на митингах давали клятвы с честью выполнить поставленные перед ними задачи. Общее чувство всех хорошо выразил командир роты лейтенант Михайленко, участник обороны Севастополя. «Севастополь должен быть и будет нашим, — сказал он своим бойцам. — К этому зовет нас великий Сталин. Вся наша Родина ждет от нас подвига».

Все с нетерпением ждали приказа о решительном наступлении. И вот, наконец, он пришел — этот долгожданный день. 5—6 мая войска гвардейской армии активными действиями на правом фланге сковали противника и ввели в заблуждение немецкое командование. Немцы решили, что главный удар будет нанесен именно здесь и начали переброску на этот участок своих резервов. Это и нужно было нашему командованию. Утром 7 мая началось наступление двух армий в центре и на левом фланге. В течение полутора часов длилась небывалая по мощности артиллерийская подготовка. Одновременно по вражеским укреплениям были нанесены авиационные удары. На Сапун-гору и другие узлы немецкой обороны обрушились мощный шквал артиллерийского огня, сотни тонн бомб. Дрожала земля от разрывов, переворачивался и раскалывался в пыль камень и вместе с камнем поднимались на воздух обломки немецких укреплений. Солдаты-сталинградцы рассказывали потом, что даже под Сталинградом они не видели такого удара артиллерии и авиации, какой обрушился на Сапун-гору. Казалось, гора рвалась на куски, исхлестанная огнем и сталью. На всей площади плоской вершины горы и на ее каменистых скатах за несколько часов было перемешано с землей все, что в течение двух лет строилось врагом из стали и бетона.

Но на Сапун-горе были и такие огневые точки, которые уцелели даже под прямыми попаданиями снарядов. Укрытые в глубоких расщелинах скал, они могли быть ликвидированы только дерзкими действиями штурмовых групп. Штурмовые

группы атаковали эти точки, а роты обтекали их, просачивались между ними. Бойцы тащили с собой вещевые мешки, наполненные гранатами, связывали гранаты в пачки проволокой, подползали к дотам и бросали связки гранат в амбразуры. Артиллеристы вместе со стрелками на руках тянули пушки на крутые скаты горы. Когда бойцы вышли на вторую линию траншей, немцы открыли огонь из всех уцелевших дотов и из расщелин скал. Вот тут-то и начали работу орудия прямой наводки. Выкатывая свои орудия на 100—150 метров к немецким дотам, артиллеристы почти в упор расстреливали врага. Пушка сержанта Фролова продолжала стрелять даже после того, как осколками вражеских снарядов были повреждены лафет, колеса и три пробоины появились в щите. Выбыли из строя наводчик, замковый, подносчик. У пушки остались лишь двое — командир и заряжающий, но они не прекращали огонь.

Стрелки врывались в траншеи, гранатами и огнем автоматов уничтожали засевших в них гитлеровцев. Не раз дело доходило до рукопашных схваток. Напряжение боя не ослабевало на всем пути от подножья до гребня горы. Уцелевшие немцы продолжали сопротивляться с отчаянием смертников. Под сильным огнем залегла одна наша рота. Коммунист рядовой Афанасьев ринулся на амбразуру дота. Он погиб, но закрыл товарищей от огня. Рота прорвалась. В другой роте в минуту смертельной опасности первым поднялся в атаку парторг гвардии сержант Спиридонов. Он крикнул: «Помните приказ товарища Сталина!» Этого было достаточно. Бойцы поднялись, преодолели кручу, броском прошли сквозь завесу огня и захватили немецкую траншею. И так было во многих подразделениях, бравших с боя каждый метр Сапун-горы.

Все попытки немцев остановить наступающих разбивались о беззаветный героизм наших воинов. Ничто уж не могло их остановить. Они рвались вперед. Пулеметчик гвардейской дивизии Василий Ляшенко раненый продолжал ползти вперед, таща за собой пулемет. Рядовой Мошкович после тяжелого ранения наотрез отказался покинуть поле боя. Он попросил товарищей, чтобы они донесли его до гребня горы и показали Севастополь. «Хочу увидеть город, убедиться, что я дошел до него»,— сказал он.

Во второй половине дня советские войска овладели двумя линиями траншей на Сапун-горе. Третья линия была у самого гребня. К ней ползли по-пластунски. Прижимаясь к земле, цепляясь за камни, подтягиваясь на локтях, наши солдаты

выковыривали гитлеровцев из дотов, из каменных пещер. Единым стремлением скорее достичь вершины были охвачены все бойцы. Каждая рота несла флаг, который должны были водрузить над гребнем горы те, кто первыми дойдут до этой цели. И когда над гребнем почти в одно и то

Штурм Сапун-горы.

же время взвилось много флагов, то это означало, что не одна, а много рот завоевали такое право. В числе первых поднялись на вершину горы и в 18 часов 30 минут водрузили над ней красное знамя бойцы батальона капитана Шилова. Эта честь выпала на долю пулеметчика Кузьмы Москаленко. Он сражался на Сапун-горе и в 1941-42 годах.

К исходу дня, после непрерывного девятичасового боя, наши войска полностью овладели гребнем Сапун-горы, а на следующий день очистили от врага ее западные скаты. С захватом Сапун-горы немецкая оборона была прорвана на главном направлении. Мощь крепости, на которую так надеялись немцы, была сметена в течение одного дня.

Так же, как и Сапун-гора, падали одна за другой под ударами наших войск остальные «неприступные» укрепления главного севастопольского обвода.

Гора Кая-Баш, в которую упирался правый фланг обороны противника, была также превращена в сильный узел сопротивления. Эта гора бастионом возвышается над морем. Ее каменистые скалы спускаются крутыми уступами в ту сторону, откуда наступали наши войска, и отвесным обрывом обращены к морю. На безлесной вершине горы стояла старинная крепость. Ее трехметровые стены с бойницами для пушек и пулеметов спускались на западный склон и охватывали боевые казематы. Вокруг крепостных стен вился глубокий ров, защищенный колючей проволокой. Этот бастион приморцы взяли в один день 7 мая. Стрелковый полк гвардии подполковника Кельбас и подразделения бригады морской пехоты нанесли удар совсем не там, где этого ожидали немцы. В то время, как одни подразделения пошли в обход горы справа, отвлекая на себя все внимание противника, другие незаметно пробрались по узкой кромке берега, загроможденной скалами, обошли крепость слева и неожиданно ворвались в нее, преодолев отвесный обрыв. В несколько минут немецкий гарнизон был уничтожен.

Потеря горы и крепости Кая-Баш поставила немцев под угрозу охвата. Спешно подбросив сюда резервы, немецкое командование предприняло все, чтобы вернуть гору. Наши подразделения отбили пять атак противника, а затем сами атаковали его, прижали к морю, полностью уничтожили и устремились на запад вдоль морского берега. Правый фланг основной линии немецкой обороны был прорван.

Немцы пытались задержать советские войска на горе Горная. Гора Горная — это длинный хребет, вытянувшийся по фронту, ключевая позиция на подступах к мысу Херсонес. Здесь у врага была трехъярусная траншейная система обороны, насыщенная дотами и дзотами. Плотным слоем артиллерийского, минометного и пулеметного огня враг пытался защитить подступы к горе. Но наши части нанесли здесь внезапный удар. После мощного огневого налета они ворвались на северные скаты горы, разгромили вражеские дзоты и уничтожили большую часть немецкого гарнизона.

Прорыв обороны южнее Сапун-горы и падение горы Горная позволили нашим войскам выйти во фланг главных сил немцев. Это окончательно поколебало всю немецкую оборону на Сапун-горе. 8 мая, на второй день штурма, войска При-

морской армии вместе с войсками N-ской армии вышли к внутреннему обводу — последнему оборонительному рубежу врага. В ночь на 9 мая войска гвардейской армии высадили десант на Северную косу, закрыли противнику выход из Северной бухты и вынудили деморализованные остатки войск противника, находившиеся на Северной стороне Севастополя, спасаться бегством через бухту.

Уже начали тянуться к Херсонесу колонны разгромленных вражеских войск, но части прикрытия еще продолжали упорно сопротивляться на южных подступах к Севастополю. Немцы даже переходили в контратаки. В ночь на 9 мая нашими войсками было отбито до 20 контратак.

9 мая бои продолжались с прежним упорством. Войска N-ской и Приморской армий ворвались в Севастополь с востока и юго-востока, а части гвардейской армии форсировали Северную бухту и атаковали немцев с севера. Гвардейцы использовали для переправы через бухту самодельные плоты, бревна, доски и даже немецкие гробы. В числе первых высадился на южный берег бухты взвод автоматчиков под командованием сержанта Авшкана Тюлюмбаева. Автоматчики взорвали немецкий дзот и своим огнем прикрыли переправу других подразделений. Гвардейцы быстро овладели Корабельной и захватили опорные пункты врага в северной части Севастополя.

Завязались уличные бои на руинах Севастополя, продолжавшиеся до вечера. Наши войска ликвидировали разрозненные очаги обороны врага. К 19 часам 9 мая Севастополь был полностью очищен от захватчиков. Советские воины водрузили красный флаг на здании Севастопольской панорамы. Мощный салют в 24 залпа из 324 орудий в Москве возвестил миру об освобождении города русской славы.

Гитлеровцы еще надеялись укрыться за скалистыми отрогами мыса Херсонес и выиграть время для эвакуации морем в Румынию. Последним рубежом немецкого сопротивления на крымской земле был старый Земляной вал, протянувшийся дугой по гряде высот от Стрелецкой бухты на юго-восток. Это был рубеж прикрытия, который должен был задержать наши войска до эвакуации немцев с мыса Херсонес. Сюда устремились разбитые немецкие батальоны, потоки артиллерии, танков, автомашин. Собрав на узком Херсонесском плацдарме остатки своих войск, немецкое командование использовало для обороны старые крепостные укрепления, усилен-

ные дзотами, проволочными заграждениями, минными полями.

Этот последний клочок крымской земли стал для гитлеровцев огненным котлом. Здесь Приморской армией при содействии авиации фронта, кораблей и воздушных сил Черноморского флота был нанесен сокрушительный удар остаткам 17 немецкой армии. Снова обрушился на врага весь могучий арсенал советской военной техники. Артиллерия днем и ночью громила укрытые в скалах немецкие батареи, дзоты. Авиация в три этажа заполнила небо. Еще не успевал кончить свою работу один эшелон бомбардировщиков и штурмовиков, а на смену ему уже шел другой эшелон. Прижатые со всех сторон к морю, гитлеровцы, подобно крысам, бегущим с тонущего корабля, искали спасения, метались по берегу, спешили погрузиться на транспорты. Но спасения не было и здесь: торпедные катера, подводные лодки и морские штурмовики черноморцев отправляли на дно груженые вражеские корабли, готовившиеся к отплытию или шедшие в Румынию. Ночью над бухтами Херсонеса, не угасая, колыхалось зарево от горящих немецких кораблей.

Только за один день 10 мая морской авиацией черноморцев были потоплены и повреждены десятки вражеских кораблей. Не было спасения немецким кораблям и ночью. Их подстерегала на пути в Констанцу «морская кавалерия» — торпедные катера Черноморского флота. Отряд катеров капитан-лейтенанта Сергея Котова за один ночной поиск потопил торпедами два немецких транспорта водоизмещением в 3500 тонн каждый, быстроходную десантную баржу и сторожевой катер противника. Три транспорта и одну БДБ пустили ко дну одной торпедной атакой катера отряда капитан-лейтенанта Константина Кочиева.

В ночь на 12 мая войска Приморской армии под покровом темноты преодолели Земляной вал и на всем его протяжении врезались в расположение немцев. Немцы пытались отступить на промежуточный рубеж между бухтами Казачья и Камышевая, но пехотинцы и танкисты предупредили врага. Они ворвались на этот рубеж на плечах противника и отрезали вражеским подразделениям пути отхода к бухтам. Утром 12 мая разбитые и разрозненные группы противника еще оказывали ожесточенное сопротивление, но основные массы немецко-румынских войск были уже окончательно деморализованы. «12 мая, когда начался штурм Херсонеса,— рассказал потом командир группы горно-стрелковых батальо-

нов 3 румынской дивизии полковник Бориславский, — арт-огонь был настолько страшным, что уцелеть можно было только под скалами. Все живое на этом клочке земли было уничтожено.... То, что я наблюдал и испытал во время русского штурма 9 и 12 мая у Сапун-горы и на мысе Херсонес, превзошло все мои представления о мощи русского оружия. Такой сильный, концентрированный, точный огонь может сломить боевой дух любой армии».

Из траншей, из расщелин, из-за скал целыми батальонами полезли солдаты и офицеры с белыми флагами. На мысе Херсонес, окруженная танками, сложила оружие и сдалась в плен группа немецких офицеров. Среди них был командир 5 армейского корпуса генерал-лейтенант Бэме и командир 11 пехотной дивизии генерал-лейтенант Грюнер.

К 10 часам утра 12 мая все было кончено. Над мысом Херсонес прозвучал последний выстрел, и сразу наступила тишина, необычная после не умолкавшего трое суток подряд грохота боя. Растянувшись на два с половиной километра, ползла по херсонесской дороге двадцатипятитысячная колонна пленных. А у скалистого побережья бухт дымились обугленные остовы сотен неподвижных танков, автомашин и тягачей, зияли навсегда умолкшими жерлами свороченных набок орудийных стволов недавно еще грозные «фердинанды», чернели разбитые пушки. В бухтах, полузатопленные, исковерканные бомбами, пробитые снарядами, стояли немецкие суда. И везде, по всему пространству этого огромного кладбища немецкой техники, лежали трупы немецких «завоевателей» Крыма, разбросанные взрывными волнами, срезанные очередями автоматов. Ими был завален весь берег. Их были тысячи — этих последних захватчиков в Крыму.

Это было все, чем закончились попытки Гитлера удержать Крым и Севастополь. Таков был финал севастопольского штурма.

Оценивая нашу победу под Севастополем, газета «Правда» писала 13 мая 1944 года:

«Штурм Севастополя доблестными воинами Красной Армии войдет в учебники истории войн, как замечательный образец сталинского военного искусства. Советские полки искусным маневром и изумительной отвагой захватили ключевые позиции к городу и в течение трех дней овладели одной из самых мощных и неприступных крепостей мира».

Самый решительный и полный разгром врага — таков итог этого штурма и всей Крымской кампании.

Освобождение Крыма имело важные стратегические последствия. Победа в Крыму устранила последний крупный очаг сопротивления врага, нависший над южным флангом Советской Армии, коренным образом изменила всю обстановку на черноморском театре, обеспечила успешные действия Черноморского флота вдоль западного побережья Черного моря и ускорила выход из войны Румынии и Болгарии

Один из многих видов немецких позиций на Херсонесе 12 мая 1944 года.

Эпопея битвы за Крым, завершившаяся блестящей Крымской операцией 1944 года, показала, на какие вершины морального духа и воинской доблести поднимаются советские люди, взращенные социалистическим строем, воспитанные большевистской партией. Перед массовым героизмом, боевым мастерством советских пехотинцев, артиллеристов, танкистов, летчиков и моряков не устояли никакие преграды. В один ряд с героями фронта стали герои-партизаны и подпольщики. Их удары слились воедино. Воля партии и гений Сталина вели их от победы к победе, с именем Сталина шли они на врага и побеждали.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В Севастополе, на Перекопе, у Сиваша, на Сапун-горе, на мысе Херсонес и во многих других местах отгремевших боев великой Крымской битвы стоят гордые гранитные обелиски и скромные деревянные конусы у братских могил. Это — памятники погибшим героям, людям, победившим смерть, потому что «у храбрых есть только бессмертье, смерти у храбрых нет». Так и сказано в надписи, высеченной на памятнике Славы на Сапун-горе:

Слава вам, храбрые, слава, бесстрашные,
Вечную славу поет вам народ,
Доблестно жившие, смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет.

Еще не успели остыть горячие следы боев на освобожденной крымской земле, как началась здесь новая борьба — борьба за возрождение жемчужины Советского Союза, восстановление из руин гордости нашей страны — Севастополя и всего разрушенного хозяйства Крыма, за освоение новых сельскохозяйственных культур. На местах былых сражений развернулось невиданное по темпам и размаху наступление— наступление на трудовом фронте. Армия борцов этого фронта пополнилась ветеранами великой войны. В Крым приехали переселенцы, приехали не искать, а строить счастье. Во главе полков этой армии стали коммунисты, сотни Воропаевых. И в труде, как в бою, советские люди снова совершают чудеса. Ими управляет один и тот же закон, их поднимает на подвиги одна и та же великая сила советского патриотизма. Их связывают воедино общие черты — ясность цели, настой-

чивость в ее достижении, твердость характера, ломающего все и всяческие препятствия.

Борьба в Крыму не кончена, она продолжается. В боях за освобождение Крыма 152 воина удостоились звания Героя Советского Союза, в борьбе за его возрождение уже рождаются десятки Героев Социалистического Труда. И как в дни боев товарищ Сталин лично руководил борьбой за освобождение Крыма, так и борьба за возрождение Крыма с первых ее дней направляется великим вождем.

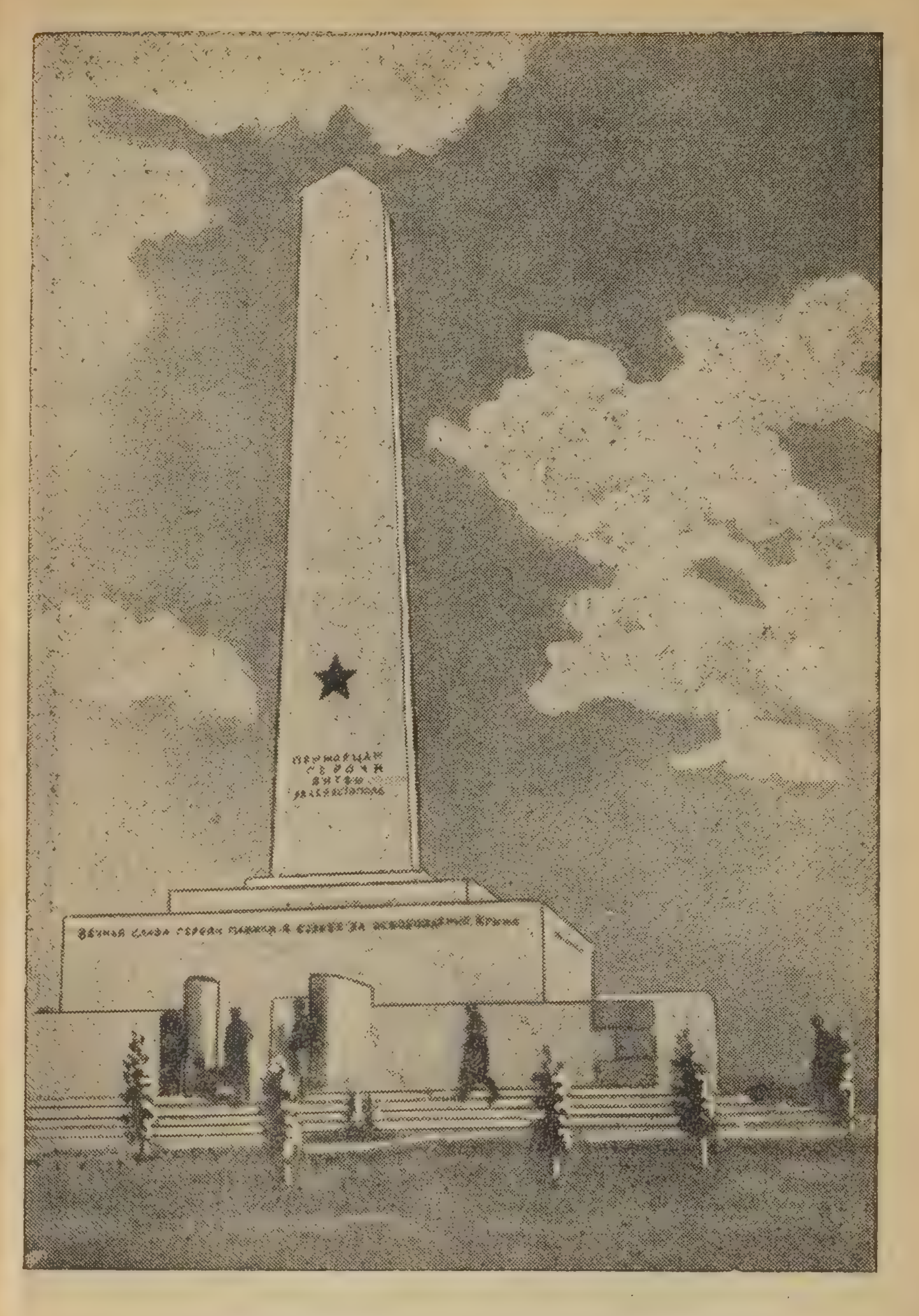
В целях быстрейшего освоения плодородных земель и виноградников Крыма по решению правительства в Крым были переселены из областей РСФСР и Украинской ССР добросовестные и трудолюбивые колхозники.

По инициативе товарища Сталина правительство и партия оказали огромную поддержку новым хозяевам освобожденного Крыма. По сталинскому плану в 1948 году развернулась борьба за преобразование природы Крыма, за насаждение цитрусовых, субтропических культур и эвкалиптов.

Вдохновленные отеческой заботой вождя, бдительно несут боевую вахту у крымских берегов моряки Черноморского флота, в памяти которых навсегда останется 19 августа 1947 года, когда товарищ Сталин совершил переход на крейсере «Молотов». Неусыпно охраняют крымскую твердыню воины созданного по указанию товарища Сталина Таврического военного округа. А трудящиеся — патриоты Крыма отвечают на сталинскую заботу массовыми трудовыми подвигами.

В 1947 году, зимой, колючие злые ветры сметали снег с крымских полей, а летом грозил сжечь хлеба горячий суховей. Но тысячи колхозников с зари до зари возили снег, потом воду на поля, поили и подкармливали землю и защитили урожай. Здесь было так же, как на переднем крае обороны крымских плацдармов.

В 1948 году патриотическая борьба на полях Крыма приняла небывалый размах. Крымские колхозники выполнили клятву, данную товарищу Сталину, завоевали высокий урожай. Крым первым в стране выполнил план хлебопоставок государству и перевыполнил его. Патриоты Крыма пошли на штурм природы, чтобы переделать, победить ее, навсегда покончить с засухой. По всей области стали известными имена Натальи Силичевой — звеньевой колхоза имени Сталина, Ленинского района, получившей 240 пудов пшеницы с каждого гектара семенного участка; Николая Простова — звеньевого колхоза «Пролетарий», Бахчисарайского района,

Памятник Славы героям севастопольского штурма
на Сапун горе.

вырастившего по 264 центнера фруктов с каждого гектара; Анатолия Житкова — прекрасного виноградаря колхоза имени Сталина, Алуштинского района; Пелагеи Рожновой—знатной табачницы колхоза имени Калинина, Ялтинского района, и сотен других передовых борцов, которые упорным трудом, помноженным на высокую агротехнику, одолевают стихию.

Теперь тружеников колхозных полей уже не удовлетворяют рекордные урожаи на небольших участках. В 1949 году, по почину евпаторийских колхозников, началось массовое движение — борьба за досрочное осуществление сталинского плана преобразования природы, за получение стопудового урожая со всей площади зерновых, за внедрение субтропических и особенно цитрусовых культур и эвкалиптов, за продвижение садов и виноградников в степную часть Крыма.

Серьезные победы одержаны и рабочими Крыма, поднявшими из развалин 300 предприятий и добившимися в 1948 году досрочного выполнения плана по валовой продукции. Тысячи стахановцев промышленности выполнили за год по 2 и 3 годовых нормы, а знатный токарь Севастополя Николай Тыщенко выполнил 11 годовых норм и в 1948 году начал работать в счет 1957 года. Впереди всех, перекрывая нормы, обгоняя время, идут славные машиностроители, которые уже в 1948 году превзошли довоенный уровень производства.

Бессмертная ратная слава героического Севастополя возвеличивается его трудовой славой. Ширится трудовое наступление на Керченском полуострове, где на месте кладбища железобетонного лома уже не в чертежах, а в реальности встают производственные цехи Камышбурунского железнорудного комбината.

Пять лет прошло с тех пор, как отзвучали громы орудий в Крыму, и уже на наших глазах Крым становится еще краше, еще лучше, чем он был до войны, превращается в цветущий сад, в мощный форпост на южных морских рубежах Советского государства. Наша страна уже получает из Крыма добротную пшеницу «крымку», первосортный виноград, прекрасные вина, фрукты, лучшие в мире табаки, ценнейшие эфирные масла. А в 1949 — 50 годах Крым начнет давать самую дешевую в мире железную руду. В 1949 году свыше 130 тысяч трудящихся СССР смогут восстановить свое здоровье в 106 санаториях и 13 домах отдыха Крыма. С каждым годом это число будет расти.

Ежегодно расширяется сеть учебных заведений и культурно-просветительных учреждений области. Специалистов

более 70 разных профилей готовят для страны четыре крымских института и 22 техникума. Огромное поле деятельности открылось перед 28 научно-исследовательскими учреждениями Крыма, перед его учеными, писателями, деятелями искусства, борющимися за дальнейший расцвет социалистической культуры, за преображение полуострова.

Таков Крым сегодняшний. А в перспективе мы отчетливо видим контуры Крыма будущего и прежде всего его совершенно иную природу, новую зеленую архитектуру. С востока на запад и с севера на юг пересекут крымскую степь полезащитные лесные полосы. В сплошной массив-лесопитомник превратится Арабатская стрелка. На этой песчаной косе, сегодня еще полупустынной, поднимется ввысь вечнозеленый сосновый бор, раскинут ветви тенистые клены, золотистые акации, гледичии. Зеленый заслон встанет на пути суховеев, идущих с востока через Приазовье. Лесными насаждениями опояшутся колхозные поля. Вокруг новых прудов и водоемов, вдоль оросительных каналов, раскинутся эвкалиптовые и маслиновые рощи, фруктовые сады. Новые зеленые насаждения займут огромную площадь — 70 тысяч гектаров.

Изменится облик Южного берега, где бесполезные кипарисы уступят место эвкалиптам, где будут возделываться цитрусовые — лимоны, апельсины, мандарины и субтропические культуры. Но, пожалуй, самое чудесное превращение ожидает пока еще безжизненное Присивашье. У берегов Гнилого моря, среди солончаков, где уживались лишь солянка, верблюжья колючка, татарник, бурьян и пырей, появятся пышные сады и виноградники, плантации лаванды и шалфея.

Все это — не пустопорожние прожекты мечтателей маниловского типа, не плод досужей фантазии. Это реальный план большевиков, для которых не существует крепостей и преград, план скачка в будущее, совершенно точно рассчитанного людьми, вооруженными самой передовой в мире наукой. Этот сталинский план уже выполняют советские патриоты, охваченные невиданным творческим горением, продолжающие в труде подвиги военных лет.

Не в бронзе, не в мраморе, а в живых делах создаются новые величественные памятники в Крыму, множатся его славные традиции. Это лучшие памятники тем, кто отдал свою жизнь за Советский Крым, за Родину, во имя светлого будущего — коммунизма.

Февраль, 1949 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор полковник *Я. К. Блох.* Техредактор *А. Фисенко.*
Корректор *Б. Киселев.*

Г 10:00111. Объем 5 п. л. Формат 60×84 1/16. Тираж [illegible] 0 0 экз. Сдано в произ-одство 24/III-1949 г. Подписано к печати [illegible]/IV-[illegible]949 г. Типография Крымиздата, г. Симферополь, ул. Кирова, 23. Заказ № 125.

Цена 3 руб. 50 коп.

